

Мы - драконы

Автор:

Тала Тоцка

Мы – драконы

Тала Тоцка

По реке неспешно плывет корзина с младенцем, над которой кружат три черных ворона, а в это время по другую сторону Андалурсии горы сотрясаются от страшного рева – это ее Верховный Владыка амир Эррегор Болигард оплакивает свою погибшую дочь и троих сыновей, похищенных тьмой. Последних после него Огнедышащих Драконов Андалурсии.

Тала Тоцка

Мы – Драконы

Пролог

Корзина плыла по реке медленно, словно ее не течением несло, а сама река нежно и осторожно баюкала лежащую в ней девочку, младенца с синими, как весеннее небо глазами. Девочка смотрела вверх туда, где кружились вороны, три черных ворона, двое крупных, а третий мельче, совсем вороненок. Солнечные лучи отражались бликами на длинных перьях, отчего те казались похожими на чешую, переливающуюся на солнце. Птицы то снижались к корзине, то поднимались выше, но ни на миг не выпускали корзину из виду.

Река несла ее мимо полей и пастбищ, безлюдных дорог и полосок леса. Солнце клонилось к закату, и на реку постепенно опускался ночной сумрак, зажигая свечи звезд на темном полотнище покрыва Небесного Бога. Вороны стали совсем не видны, но они по-прежнему были здесь, они все так же безмолвно, без единого крика летели над корзиной, простирая свои крылья подобно пологу.

Девочка засучила ножками и взмахнула крошечными ручками с младенческими ямочками у запястий. Вороны начали кружиться синхронно, будто приглядываясь к ней, а затем плавно слетели вниз и замерли, усевшись на края корзины, не сводя с девочки черных птичьих глаз.

Малышка сцепила пальчики и улыбалась им так, как могут улыбаться только младенцы – бессмысленно и безмятежно, а в ее груди зарождалось алое свечение, разгораясь все ярче и ярче. Вороны застыли на краях корзины, казалось, они приросли к плетеным краям когтистыми лапами.

Луч алого света изогнулся спиралью и начал вращаться над корзиной, словно воронка, основанием касаясь груди ребенка, а краями захватывая птиц. Вороны вздрагивали, их перья топорщились, но они по-прежнему не шевелились, лишь время от времени из чересчур мощных грудных клеток вырывалось хриплое, не птичье, дыхание, больше похожее на рык.

Внезапно воронка схлопнулась к основанию, сверкнула и застыла причудливо изогнутым камнем размером с ладошку младенца. Он продолжал сиять, но все меньше и меньше, от его краев протянулись светящиеся струйки и обвили тонкую шейку. Лишь только они сомкнулись, птицы взмыли вверх, невидимые в ночи, издавая крики, больше похожие на стоны. Детские ручки в изнеможении упали по краям маленького тельца. Поверхность реки густо покрыло черное оперенье, падающее с неба и бархатным одеялом переливающееся в тусклом свечении звезд.

Когда звезды совсем поблекли и растаяли на светлеющем небосклоне, первые солнечные лучи озарили горизонт и нежно обняли корзину, плывущую по середине реки. Младенец спал, улыбаясь во сне, укрытый распростертыми крыльями трех белоснежных птиц, без сил склонивших головы над девочкой.

Десятью часами ранее

– Я должен тебя утопить, тьма меня раздери, – Родерик хмуро посмотрел на младенца, лежащего в люльке и радостно ему улыбающегося. Младенец не вызывал у молодого гвардейца ничего, кроме раздражения. И почему жребий выпал именно на него? Он воин, а не убийца мальчишек. – И нечего мне улыбаться. А как тебя утопить? Если б ты мог хоть меч держать в руке, я бы с тобой сразился, а взять и бросить тебя в реку как новорожденного яхненка?

Младенец схватил себя за ногу и засунул ее себе в рот. Это вызвало еще большее раздражение у Родерика. Он подумал, что бросать в реку вместе с люлькой мальчишку не стоит, может, лучше что-то к нему привязать?

Родерик достал младенца из люльки и тут же выругался.

– Да ты никак обмочился, приятель? Что ж ты так поспешил?

Младенец засмеялся и засучил ножками. В груди Родерика предательски шевельнулось странное, неведомое ему чувство. Он не стал прислушиваться к нему, лишь только подумал, что негоже вот так взять и утопить описавшегося мальчишку, надо бы его... вымыть, что ли. Родерик оглянулся по сторонам, держа мальчика на вытянутых руках. Ребенок засунул в рот пятерню и сияющими глазами смотрел на воина. Тот снова выругался и спустился к реке. Перебросив малыша через руку, он стянул с него мокрую рубашку, зачерпнул воды и плеснул на голую попку.

– Темная сила, и что я вожусь с тобой, кто бы мне сказал, – проворчал он, но лишь только шершавая ладонь коснулась нежной кожи младенца, он словно закаменел, а затем быстро перевернул ребенка и изумленно воскликнул: – Вот те раз! Да ты же девчонка!

Девочка. Не мальчик, а девочка, тьма его раздери... Внезапно догадка заточенной сталью пронзила молодого гвардейца, и он тихо взвыл, сцепив зубы. Девочка засмеялась, схватила его за темную прядь и потянула на себя. Родерик дрожащими руками прижал мокрого ребенка к плечу, а затем, опомнившись, сорвал с себя плащ и укутал девочку. Он лихорадочно оглядывался по сторонам, пытаясь сообразить, что ему теперь делать.

Возвращаться в замок с младенцем нельзя, герцог Ильброз отдал четкий приказ избавиться от ребенка. От своего рожденного служанкой сына-бастарда,

зараженного мокрицей. Но теперь Родерик понимал, что за младенца подсунули ему и еще крепче прижал к себе девочку. Что же делать?

Сверху раздались протяжные гортанные крики, молодой человек поднял голову и увидел трех воронов, круживших над ним. Их крики были совсем не похожи на воронье карканье, но Родерик не испугался. И почему-то вовсе не удивился тому, что в клювах вороны держали привязанную к лентам корзину. Вороны опустили ее перед Родериком и снова взлетели вверх. Двое крупных, взрослых птиц, а третий помельче, видать еще птенец.

Плащ гвардейца со знаком Огнедышащего Дракона слишком узнаваем, Родерик осторожно положил ребенка на траву, а сам принялся стягивать с себя сорочку. Простая, без родовых вязей, полотняная сорочка, какие носят и простые горожане, и обедневшие аристократы. Он надел ее утром свежей, но она уже успела пропахнуть его потом. Родерик положил сорочку на дно корзины, уложил туда девочку, а затем как сумел, запеленал ребенка, оставив свободными ручки.

– Так тебе будет удобнее, – шепнул он и погладил светлую, с еще совсем редкими светлыми волосами головку.

Сорочку трижды можно было обернуть вокруг малышки, такая она была крошечная. Вороны, усевшись на опустившем ветви к реке дереве и повернув головы, пристально наблюдали за парнем. У него невольно бежали мурашки по телу, такими... человеческими казались ему эти взгляды.

Лишь только Родерик закончил работу, вороны подлетели к корзине, подхватили клювами ленты и без труда подняли корзину в воздух. Родерик смотрел, как они несут ее к середине реки и сморгнул мешавшую глазам влагу. Мелкий вороненок, обернувшись, посмотрел на воина, тот вздрогнул и опустился на одно колено.

– В добрый путь, маленькая амирана, – прошептал он, – в добрый путь.

Вороны бережно опустили корзину на воду, и она поплыла, несомая течением, а птицы, сделав круг, развернулись и полетели к Родерику. Он продолжал стоять на коленях, склонив голову, а вороны спускались все ниже. Родерик приложил обе руки к сердцу.

– Пусть хранит вас Небесный Бог, амираны, – сказал он, – простите, что не смог помочь вам, я всего лишь простой солдат.

Крылья мягко коснулись его лба, и молодой человек вскинул голову. Он понимал, что прощен. Не понимал как, просто знал. Птицы, сделав еще один круг, устремились за корзиной. Родерик поднялся с колен и набросил плащ на голое тело. Он купит новую сорочку в городской лавке по дороге в замок, а сейчас нужно избавиться от люльки.

Гвардеец бросил в люльку рубашку младенца, вскочил на мораву и, пришпорив его, взлетел над дорогой. Он долетит сейчас выше по течению, до водопада Эль-Гудар, привяжет к люльке камень и бросит в реку. Доложит герцогу, что выполнил поручение, а затем попросится на войну, туда, где их амир Эррегор, последний из Огнедышащих Драконов, сражается в битве с Драконами Света. Он хороший солдат, Итем из обедневшего рода Родериков, и он не убийца маленьких девочек.

А когда хороший солдат, честный гвардеец Итем из рода Родериков вернется и доложит герцогу Ильброзу о выполненном поручении, тут же упадет замертво, пронзенный лично командиром охраны его сиятельства за тайный заговор против амиры Алентайны, и будет выброшен за городскую стену, как безымянный преступник.

– Он предатель, – скажет в оправдание герцог, – и казнен по закону военного времени.

Итем Родерик будет лежать, глядя угасающими зрачками в ночное небо, пока ветер не принесет со стороны реки несколько черных перышек, и в темных волосах умирающего гвардейца, там, где младенец хватал его, играясь, не засияют крошечные огоньки. Они побегут по его телу, добираясь до раны, и нырнут внутрь, опалая рваные края. А дальше помчатся по венам, разгоняясь по всему телу, заставляя гвардейца кричать и выгибаться, в тщетной попытке потушить пылающий внутри огонь.

Наутро он очнется в чужой крытой повозке, потерявший память, но живой и полностью здоровый, лишь полоса седых волос прорежет темные волосы там, где касался его младенец с синими, как весеннее небо, глазами.

Глава 1

Абидал Верон пришел к реке еще затемно, чтобы успеть раскинуть сети. Он не мог себе позволить проспать, хоть и не очень хотелось выбираться из теплой постели, нагретой его женой Тоной. Небесный Бог так и не даровал им детей, но Аб все равно был доволен своей женой и мог бы даже утверждать, что любит ее, если бы только ему пришло в голову об этом говорить.

Они жили небогато, но и сказать, что едва сводили концы с концами, значило бы сильно прогневить Небесного Бога и его Пресветлую Мать. Тона лечила односельчан травами, а не магией, и те относились к ней хоть и настороженно, но не враждебно, как к той же ведунье Эзаре, а сам Аб Верон промышлял охотой и ловлей рыбы. Как раз сейчас птицы высиживали птенцов, а звери выкармливали своих детенышей, и охота во всем королевстве была под запретом.

С другой стороны, когда в королевстве война, сам амир воюет с Драконами Света далеко за пределами их провинции, простым людям все равно надо как-то жить. Может, завтра Аб рискнет и все-таки пойдет в лес, чтобы подстрелить хоть одного небольшого сайрана, а сегодня он набьет свои корзины рыбой, и Тона сможет выручить немного денег.

Аб клевал носом у камышей, когда зазвенел колокольчик. Он мгновенно проснулся и тут же кинулся проверить сеть. Рыба, крупная, а там еще одна, а там... Что это чернеет за камышами?

Верон раздвинул густые стебли и тихо охнул. Небесный Бог! Да никак ребенок в корзине лежит, и кто ж такую кроху выбросил? Аб немедленно забыл о рыбе, бившейся в сетях, схватил багор и вытащил корзину на берег. Какой милый младенец, светлая головка, синие глазки. Зато запах, мать честная, хоть нос затыкай!

Аб не стал затыкать нос, лишь втрое быстрее, чем обычно, собрал сети, вытряхнул рыбу, сгрузил корзины на повозку и, погоняя моравов, поспешил домой, к Тоне. Она женщина, его жена, и хоть детей у них нет, сумеет справиться с младенцем, а там они вместе придумают, что им делать. Он

опомнился и сбросил с себя дублет, прикрыв корзину. Аб так спешил, что не обратил внимание на трех белоснежных птиц, следующих за ними высоко в небе, лишь изредка снижаясь, чтобы потом снова взмыть в высоту.

- Тона, жена моя, ты где, - позвал он, входя с корзиной в дом и плотно прикрывая за собой дверь.

Навстречу вышла высокая женщина с убранными под плат волосами.

- Я здесь, муж мой, чего ты раскричался?

- Посмотри, что сегодня приплыло по реке прямо мне в руки, - Абидал отбросил дублет, и Тона лишь ахнула, всплеснув руками.

- Какая хорошенькая девочка!

- Девочка? - удивленно переспросил ее муж. - Откуда ты знаешь, что это девочка?

- А ты на личико ее посмотри, - умиленно ответил Тона, - посмотри, какая она славненькая!

- Хорошенькая-то она правда, но несет от нее как из стойла. Давненько, видать, плышет.

- И молчит, - задумчиво склонилась к ней Тона, - разве она не голодная?

Младенец улыбнулся и протянул к Тоне ручки. Та быстро согрела молока, обернула бутылку платком и усадила мужа кормить ребенка, но девочка и правда была не голодна, она съела лишь самую малость. Тона поставила греть воду и начала раздевать девочку.

- Погляди, - она взяла в руку красноватый камень на серебряном шнурке с застежкой, - похоже на амулет. По нему можно будет отыскать ее родных, если они живы.

- Наверное, сейчас его лучше снять, чтобы ее искупать?

Тона кивнула и осторожно потянула шнурок через голову ребенка. И вскрикнув, попятилась в ужасе. Черты лица девочки исказились, съежились, волосы на головке потемнели, и теперь перед ними лежал совсем другой ребенок с некрасивым лицом треугольной формы, узким ртом и большими черными глазами.

- Надень амулет, - рыкнул Аб, жена подчинилась, и девочка снова стала такой, как была.

- Морок, - прошептала Тона, - на девочке морок.

- Чтобы ее не узнали? - шепотом спросил муж. Тона кивнула.

- Кто-то хотел спрятать ее, Тона?

- Нет, Аб, - она покачала головой, вглядываясь в амулет, - это ее истинное лицо. Амулет наводит морок, если его снять. Я такое вижу впервые.

- Я вообще никогда не видел никого под мороком, - пробурчал Аб, - что же нам теперь делать? Давай искупаем ее и отнесем к старейшинам, пусть сами решают, как поступить.

- Ее выбросили в реку, завернутую в мужскую рубаху, и ты думаешь, что спасешь ее, если о ней узнают люди? - взглянула жена на мужа и завела за ухо выбившуюся прядь. - Ты совсем выжил из ума, муж мой.

- И что ты предлагаешь? - Абидал угрюмо смотрел на жену. Тона снова осторожно сняла амулет и тихо молвила: - Посмотри, Аб. Она так похожа на тебя, когда без амулета.

Аб изумленно смотрел на некрасивое треугольное личико девочки, попеременно поглядывая на себя в висящее на стене зеркало. И правда что-то есть.

- Небесный Бог не дал нам детей, но послал тебе эту кроху, так зачем отказываться? Аб, - она прижалась к мужу, продолжая стискивать амулет в руках, - давай оставим ее себе. Скажем, что я родила ее раньше времени, что живота не было видно. Я могу не показываться на люди, а она такая крошечная,

нам поверят, Аб, я прошу тебя!

В глазах Тоны стояли слезы.

– Смотри, – муж схватил ее за руки, в которых был зажат амулет, и поднял на уровень глаз, – смотри, Тона, что ты наделала!

Камень стремительно терял цвет, серебро темнело и съеживалось, и теперь руки Тоны сжимали обычный серый дорожный камень, нанизанный на обычный веревочный шнурок. Женщина вздрогнула и бросилась к младенцу, она снимала и надевала камень, но больше ничего не менялось. Камень оставался камнем, девочка сморщила худенькое, некрасивое личико и разразилась плачем. За окном раздались скрежещущие звуки, словно кто-то пытался оцарапать стекло.

– Аб, – Тона указала мужу на окно. Там бились три белые птицы, пытаюсь открыть раму. – Что это за птицы?

– Не знаю, – он не на шутку испугался, – что теперь будет, Тона?

– Аб, – женщина снова умоляюще сложила руки, – амулет погас, значит он был заряжен не надолго. Это знак. Небесный Бог и его Пресветлая Матерь подарили нам дочь, неужто ты сможешь отказаться от такого подарка? Ту, светленькую, мы бы не смогли оставить, нам бы никто не поверил, а с такой все получится. Ну?

Верон смотрел на ребенка, не двигаясь. На плите кипела вода, выплескиваясь и шипя о раскаленные угли. За окном птицы били крыльями о стекло, и тогда он решился.

– Хорошо, – вдохнул полной грудью, – тогда пусть ее зовут Ивейна, как мою мать.

Тона бросилась ему на шею, затем к младенцу, успокоить, затем к плите, снять воду, налить ее и разбавить холодной. Она подгоняла мужа, спеша обмыть и искупать девочку, а затем укачивала ее на руках, напевая колыбельную, пока Аб Верон, усмехаясь в бороду, мастерил на заднем дворе кроватку для малышки Ивейны Верон, пусть некрасивой, но такой нужной его дорогой жене. Да и ему самому, наверное.

И они оба не заметили, что белые птицы перестали биться, а лишь заглядывали попеременно через стекло, словно желая убедиться, что девочке тепло и уютно в ласковых руках Тоны Верон. И когда Аб вошел с кроваткой в дом, они влетели за ним, чуть не сорвав с петель дверь и уселись полукругом на пол перед изумленной Тоней. Аб поставил кроватку и потянулся за арбалетом.

– Не спеши, муж, – негромко сказала Тона, – мне кажется, они хотят добра нашей малышке.

Птицы словно услышали ее, поднялись к потолку и встряхнули крыльями. Колыбелька наполнилась легчайшим белым пухом. Аб смотрел на это, разинув рот.

– Нам достался необычный ребенок, Аб, – шепнула ему жена, – пойду-ка я дам ее друзьям воды и чего поесть.

Она уложила девочку в колыбельку, белые птицы тут же опустились и уцепились когтями в боковины. Ивейна спала, зарывшись в пух, и Аб видел, что малышка в самом деле чем-то похожа на него.

– Это орланы, Тона, белые горные орланы, только очень большие, – сказал он жене, обретя способность говорить. – Они хищники.

– Значит, дам им мяса, – кивнула жена и вышла из дома. Аб протянул руку к щеке девочки, один из орланов повернул голову и в упор уставился на мужчину, и тот готов был поклясться, что у птицы совершенно человеческий взгляд.

Верон легонько погладил щечку, девочка улыбнулась во сне, и Аб улыбнулся в ответ своей новой маленькой дочке. Орлан закрыл глаз и тоже казался уснувшим.

– Добро пожаловать, Ивейна Верон, – прошептал Аб и смахнул тыльной стороной ладони слезу, радуясь, что никто не видит его слабости, кроме трех белокрылых орланов, но и они не смогут никому рассказать, как плакал от радости немолодой Абидал Верон, от того, что у него теперь есть дочь, маленькая, похожая на него, как две капли воды.

Пять лет спустя

- Смотри, Ив, видишь? Он ползет! А ты говорила, он летает.

- Он не ползет, - Ивейна поджала губки и смерила мальчика презрительным взглядом, - он хочет улететь. И сейчас полетит. Вот, у него крылья здесь спрятаны, - она ткнула перемазанным пальчиком в спинку ползущего по травинке жука.

- У меня тоже крылья спрятаны, - мальчик выпрямился и повернулся к Ивейне спиной, - вот здесь.

- Врешь, - она снова презрительно поджала губки, - нет там у тебя ничего.

- А спорим, что есть! Мой отец дракон, и я тоже дракон, - мальчик вытянул шею, пытаюсь заглянуть себе через плечо.

- Никакой ты не дракон, - Ив фыркнула и снова принялась рассматривать жука.

- Дракон! - мальчик сжал кулаки, но с места не сдвинулся. Не драться же ему с девчонкой, пусть даже такой вредной, как Ив. Да еще и такой крошечной. Ей уже пять лет, а она ему едва достает до пояса. Хоть руки и чесались врезать ей подзатыльник, но нельзя, отец будет сердиться. Он сын короля, Эйнар Астурийский, наследник Героны, а она обычная девчонка. Но какая же вредная! И смелая. Смотрит на него безмятежно, будто знает, что он ее не тронет. Как жаль, что она не мальчишка, вот бы он всыпал ей тогда!

- Я дракон, Ивейна, - повторил Эйнар, - только я еще не умею обращаться. Мама говорит, мне нужно подрасти и набраться сил.

- А почему тогда Арчи летает? И Лерр, и Севи?

- Ну ты сравнила, глупая! Они же птицы, они родились птицами. А я человек. Мне нужно много сил, чтобы обернуться драконом. А еще мне нужна иллама, ты знаешь, что такое иллама, Ив? Это сила пламени, она рождается вот здесь, - Эйнар прикоснулся к груди и ко лбу, - и здесь.

Ивейна смотрела на него с любопытством, но Эйнар видел, что девчушка понимает в лучшем случае половину из того, что он говорит. Он вздохнул, что поделать, никого более подходящего для игр поблизости все равно нет, а Ив даром что мелочь, зато у нее есть ручные орланы, целых три. Эйнару самому не помешали бы такие орланы, хоть бы один, да где ж их взять? Даже у отца нет своего орлана, а он король целой Героны!

Ив подошла ближе, достала изо рта обслюнявленный пальчик и с интересом прикоснулась чумазыми ладошками к до недавнего времени белоснежной рубашке мальчика, туда, где он показывал.

– Здесь? – она с любопытством разглядывала узкую грудную клетку и худые плечи наследника Героны. – Как здесь может быть огонь?

Ив коснулась головы мальчика.

– У тебя там должен быть ум, а не огонь, – сказала она важно, – как огонь может быть в голове?

– Может, – Эйнар гордо расправил плечи и развернул грудь. Внезапно он дернулся, из его горла вырвался странный гортанный звук, больше похожий на хрип, и мальчик упал на четвереньки.

– Ив, что со мной, помоги мне, Ив! – рубашка треснула на его груди и разорвалась пополам. Он корчился и извивался на лужайке, хватаясь руками за горло, из которого вырывались тонкие струйки пепла.

Ивейна закрыла руками лицо и в ужасе закричала. С ветки соседнего дерева сорвались три орлана и метнулись в сторону дома, видневшегося на пригорке. Эйнар бился о землю, издавая страшные рыкающие звуки, теперь над ним вздымался целый столб дыма и пепла. Ивейна спряталась под старым трухлявым пнем, не переставая надрывно кричать.

Когда на поляну вбежали королевские гренадеры, мать Ивейны Тона и сам король с королевой, они увидели забившуюся под пень вопящую от страха Ивейну, накрывшую голову руками. На пне сидели три нахохлившиеся орлана, распростершие над ней крылья, а посреди поляны извивался дракон. Такой юный, что через его тонкую кожу проглядывали огненные струйки, чешуя даже

на вид была мягкой, а перепончатые крылья на солнце просвечивали насквозь.

Тона Верон бросилась к дочери и схватила ее на руки. Ивейна, дрожа всем телом, прижалась к матери, умолкнув, но продолжая со страхом смотреть на дракона. Так значит он не врал, этот наследный принц?

– Эйнар, мальчик мой, – воскликнула королева и протянула к дракону руки.

– Не бойся, Эллирия, я сейчас верну его обратно, – проговорил король Сагидар и осторожно начал подступать к сыну. – Спокойно, Эйнар, спокойно, не двигайся. Не трать силы. Я сейчас помогу тебе.

Дракон скосил на них мутноватый глаз, затем повернул голову, потоптался на месте, расправил крылья и издал грозный рык. Внезапно из его пасти вырвался огненный сгусток и опалил стоящее напротив деревце. Королева Эллирия вскрикнула и рухнула наземь, к ней бросились несколько гренадеров, остальные замерли, боясь шелохнуться.

Сагидар раскинул руки, наклонил голову, и через миг посреди поляны возвышался огромный дракон с багрово-красной чешуей. По сравнению с ним юный Эйнар казался неоперившимся птенцом. Драконы обменялись рычащими звуками, подергали шипованными хвостами, затем отец взмахнул крыльями, сын повторил его движение, и перед оцепеневшими наблюдателями предстали в своем человеческом обличье король Героны Сагидар Астурийский и маленький принц, совершенно обессиленный, отец едва успел подхватить его на руки.

– В дом, быстро, – отдал приказ король, – вы можете идти, сенора Тона? Я надеюсь, принц Эйнар не причинил вреда маленькой сенарине. Может, вы передадите ее кому-то из моих солдат?

– Она сильно испугалась, ваша светлость, – ответила Тона, крепко прижимая дочку, и при этом умудрившись поклониться королю, – лучше будет, если я сама ее понесу. Давайте скорее осмотрим его высокородие, да и ее светлости тоже нужна моя помощь.

Королева уже пришла в себя и, поддерживаемая гренадерами, смотрела на мужа и сына глазами, полными слез и надежды.

– Сагидар, – позвала она, – скажи, Сагидар, это правда? Мы это правда видели? Он Огнедышащий? Что скажет амир Болигард, когда узнает?

– Не делай поспешных выводов, Эллирия, – осторожно ответил ей муж, – Эйнара должны осмотреть королевские девины и верховный магистрат. Не стоит напрасно беспокоить его величество. А себя тешить пустыми надеждами, – добавил он тише, и широко шагая, направился к дому Абидала и Тоны Верон.

Глава 2

Двумя неделями ранее

Абидал вбежал в дом, размахивая руками, не в силах вымолвить ни слова.

– Что с тобой, муж мой? Чем ты так встревожен? – Тона вышла навстречу, вытирая руки о фартух.

– К нам идет король, Тона, чем мы так провинились? – наконец сумел он выдохнуть.

– Ты говоришь глупости, Аб, наш правитель разумный человек, если он идет сюда, значит у него к нам дело. Если бы мы перед ним провинились, он послал бы за нами своих гренадеров. Надень чистую сорочку, а я сменю фартух и повяжу Ивейне новую ленту. И поторопись, негоже заставляя его светлость поджидать нас у порога.

Когда его светлость король Сагидар Астурийский с королевой Эллирией и наследным принцем Эйнаром в сопровождении гренадеров, растерянных старейшин и благоговейно взирающих на весь этот кортеж селян подошел к дому Абидала Верона, хозяева уже стояли у двери, почтительно склонившись перед своим королем и его светлейшим семейством. Маленькая Ивейна тоже присела в поклоне, но из любопытства поглядывала по сторонам из-под выбившихся кудрей. Над ними, на самой крыше восседали три белоснежных орлана, горделиво выпрямившись, словно статуи в королевском саду. Сагидар на минуту остановился, невольно залюбовавшись величественными птицами.

– Мир вашему дому, сенор Абидал, сенора Тона, сенарина Ивейна, – поприветствовал король Героны подданных Геронской короны и Андалурского трона.

– Да хранит Небесный Бог светлейшего короля Сагидара, светлейшую королеву Эллирию и его высокородие принца Эйнара, – низко поклонился Аб, – и дарует все блага великому амиру Эррегору. Мой дом ваш дом, мой король.

Первыми внутрь вошел придворный магистр с парой гренадеров и осмотрели дом, затем само светлейшее семейство с хозяевами. Принц Эйнар девяти лет от роду был бледен и явно нездоров, но старался держаться прямо и лишь время от времени покусывал бескровные губы.

– Мы пришли за помощью, сенора Тона, – без предисловий начал король, лишь только все разместились в небольшой комнате вероновского дома, – ваша слава целительницы достигла столицы, о вас слагают целые легенды.

– Люди любят придумывать небылицы, – неспешно ответила Тона, сложив руки на коленях, – я простая травница, ваша светлость, мне далеко до королевских девинов.

– Мои девины не могут помочь моему сыну, несмотря на все свои магические штучки, – перебил ее король, – наследник слаб и теряет силы изо дня в день, в нем нет ни искры иллады, а они только Советы собирают.

– Помогите нам, сенора, – тихо попросила королева, – не как подданная своим сюзеренам, а как добрая мать отчаявшимся родителям.

Тона внимательно посмотрела на королеву и, чуть заметно кивнув, повернулась к принцу.

– Вы позволите, ваше высокородие?

Король сделал знак, и все покинули дом, оставив короля с королевой и наследником наедине с травницей. Лишь об Ивейне забыли, а все потому, что она заранее спряталась за сундук, уж больно хотелось ей посмотреть, как матушка будет лечить принца. И этот худосочный бледный мальчишка их принц,

наследник всей Героны? В жизни бы не подумала. Принцы на картинках в книжке, которую отец подарил Ивейне на ее пятилетие, были все до единого большими и прекрасными. А еще они были драконами.

Тона осторожно стянула сорочку с худенького принца, долго мяла ему живот, выкручивала руки, прощупывала спину, а потом даже прижалась ухом к узкой груди, дав всем знак сидеть тихо. Наконец она выпрямилась, помогла наследнику надеть сорочку и вновь сложила руки на коленях.

- Ваш сын не болен, светлейший король, светлейшая королева. Ваши девины могут совещаться сколько угодно, а я скажу одно. Ему нужен свежий воздух, простая еда и отвар из драконьей лапчатки с корнем тысячелистника, и через год вы его не узнаете.

- А иллама, Тона, - почему-то шепотом спросила королева, - в нем правда нет ни одной искры?

- Прикажите вашему мужу гнать этих девинов в шею, моя королева, - так же шепотом ответила ей Тона, - его иллама спит, но я вижу внутренним взором, как она тлеет меж ребер маленького Эйнара. Просто дайте ему время.

- Мы заберем вас в замок, сенора Тона, - встал король, - мы выделим вам отдельные покои и назначим такое довольствие, какое вы пожелаете. Вы будете лечить принца. Ваша семья может ехать с вами. А своих девинов я и правда разгоню, тьма их раздери.

Обе женщины вскинули головы и с укором взглянули на короля. Не пристало его светлости ругаться, как кабацкая пьянь. Затем Тона покачала головой и посмотрела на королеву.

- Ты плохо слушал эту женщину, муж мой и мой король, - медленно молвила Эллия, - она говорила о свежем воздухе и простой еде. В королевских покоях нет ни того, ни другого, девины держат принца в постели и разрешают ему вставать только для справления нужды. Разве об этом говорила тебе целительница? Оставь нас здесь, Сагидар, пусть Тона лечит Эйнара, а я буду с ним рядом.

– Ваша жена и наша королева мудрая женщина, ваша светлость, – поклонилась травница, и они снова переглянулись с Эллирией.

– Ты хочешь меня бросить, Эли, – недовольно проворчал король, – еще чего надумала! Моя семья будет жить у тьмы на задворках, а я торчать в замке? Не дождешься. Я пока еще дракон, не так далеко сюда лететь. Вы примете нас всех, сенора?

– Боюсь, ваша светлость, мне не будет где разместить троих постояльцев, – с улыбкой ответила Тона, – но вы можете остановиться в гостевом доме любого из наших старейшин, а его высокородие я уложу наверху, в комнате Ивейны.

– Отец, матушка, вы, наверное, шутите, – голос высокородного принца звенел от негодования, – девин Аласар говорил, что мне нельзя ходить. Разве вы не видите, как я слаб? И вы хотите оставить меня в этом ужасном доме? Здесь такие узкие кровати, и они наверняка очень твердые. Здесь нет ни слуг, ни моего камердинера. Кто поможет мне одеться? – он даже ногой притопнул.

– Я помогу тебе, Эйнар, если хочешь, – слышался негромкий голосок, к принцу подошла Ивейна и храбро протянула ему ладошку. Она едва доставала ему макушкой до талии, и принц недовольно сморщил нос.

– Почему ты не говоришь мне «ваше высокородие»? – высокомерно оборвал он девочку. – Я ведь твой будущий король.

Тона подалась к дочери, чтобы отчитать ее за непочтение к королевскому отпрыску, но король остановил ее и продолжал наблюдать за сыном. Ему явно не нравилось то, что он видел, королева приложила ладони к пылающим щекам и выразительно взглянула на мужа.

– Король не должен быть таким противным, как ты, Эйнар, – упрямо поджала губы Ивейна, – посмотри на его светлость, он не кричит и не топает ногами, а ему придется каждый день летать из Леарны к тебе. Ну-ка, помаши так крыльями через пол-Героны туда-сюда, кто хочешь бы раскапризничался. А он нет, слушается твою матушку.

Сагидар отвернулся и заслонила ладонью. Он пытался справиться с собой, но ничего не получалось, у него даже слезы выступили, и он тер уголки глаз

большим и указательным пальцами, продолжая трястись от смеха. Королева, раскрыв глаза, с удивлением разглядывала девочку.

– Я тоже слушаю свою матушку, когда болею и поэтому быстро выздоравливаю, – как ни в чем ни бывало продолжала болтать Ивейна, а Эйнар слушал ее, словно зачарованный, – пойдём, я покажу тебе комнату, а если не будешь вредничать, мои орланы разрешат тебе их погладить.

– Так это твои орланы? – изумленно выкатил глаза принц. – Не сеноры Тоны?

– Мои. Ты идешь?

Наследный принц с готовностью вложил свою руку в маленькую ладошку Ивейны, и она потянула его к лестнице, которая вела в мансарду, где была комната девочки.

– Похоже, мне следует гнать в шею еще и воспитателей, – пробормотал король и повернулся к травнице, – простите его, сенора...

– Тише, ваша светлость, – перебила его Тона и прислушалась. Затем улыбнулась и указала в сторону лестницы. – Думаю, его высокородие теперь не станет нарекать на твердую кровать.

Король с королевой снова переглянулись и, не сговариваясь, направились к лестнице. Каково же было их удивление, когда, поднявшись в мансарду, они обнаружили хохочущего принца, раскинувшего руки в облаке легчайшего белоснежного пуха, покрывающего кровать плотным покровом. Ивейна с довольным личиком наблюдала за будущим королем, а через распахнутое окно были видны орланы, кружившие над домом.

Тем же вечером, укладываясь спать в доме одного из старейшин, ошалевших от решения короля поселиться в их селении на целый месяц, король сказал жене:

– Какая забавная девчушка, эта маленькая Ивейна Верон, правда, прелесть моя? Жаль, что она такая некрасивая, мы могли бы взять ее твоей фрейлиной, когда она подрастет.

– Она похожа на своего отца, Сагидар, с чего же ей быть красивой? – Эллирия расчесывала свои прекрасные волосы, и король перехватил у нее гребень, он сам любил расчесать шелковые волосы своей Эли. – Зато она такая милая. Между прочим, мой папенька тоже не красавец, и тебе очень повезло, что я лицом вышла в матушку.

– Если бы Ивейна была похожа на сенору Тону, она была бы даже хорошенькой. Впрочем, у наших детей таких проблем не будет, правда, счастье мое? – король отложил гребень и потянулся к жене.

– Ты заносчивый хвостун, любовь моя, – рассмеялась Эллирия, отвечая на поцелуй, – наш сын весь в тебя.

– Эти бездельники воспитатели совсем испортили мальчишку, – ворчливо пробормотал Сагидар, но через минуту ему было уже не до графа Домбара.

* * *

Эйнар открыл глаза и сразу не сообразил, где он, но увидев орлана, сидящего на подоконнике у раскрытого окна, вспомнил и кубарем скатился с кровати.

– Арчи, здравствуй, Арчи, – подбежал он к окну. Орлан милостиво разрешил себя погладить, а затем метнулся ввысь, широко разводя мощные крылья. И откуда у Эйнара такое чувство, будто Арчи охранял его сон?

Мальчик спустился по лестнице, на столе стоял кувшин, накрытый чистой салфеткой, а в широком блюде высилась гора испеченных блинчиков. Эйнар облизнулся, сенора Тона пекла такие блинчики, которые и не снились мэтру Фратуру, королевскому повару. Но сначала следовало вымыть руки и умыться. И найти Ивейну, она наверняка не завтракала, ждала, пока он проснется.

Эйнар выскочил на порог и начал звать:

– Ив! И-и-ив! Где ты?

Минуты через три из боковой калитки показалась маленькая фигурка в длинном полотняном платье.

– Вы проснулись, ваше высокородие? – чинно сказала девочка. Они посмотрели друг на друга и зашлись от смеха.

– Не называй меня так, – топнул ногой принц, – я Эйнар.

– Меня матушка снова ругала за непочтительное обращение с тобой, – насупилась Ив и шмыгнула носом.

– Я поговорю с отцом, пусть попросит ее перестать тебя ругать, – успокоил ее мальчик. – А где ты была?

– Мы с матушкой собирали для тебя корень тысячелистника, а драконью лапчатку ты должен собрать сам, так она говорит. Тогда отвар подействует правильно.

Из калитки вышла Тона и отправила детей завтракать. После завтрака она позвала принца с собой собирать драконью лапчатку, а Ивейну не взяла, и та так расстроилась, что даже отказалась идти с отцом в лавку за леденцами. Аб все равно купил леденцы на палочке ей и Эйнару, и Ив лишь тогда подобрела, когда съела весь свой леденец и половину королевского.

От настойки у принца кружилась голова и темнело в глазах, Тона успокоила испуганных родителей, что это с него выходит вся та дурь, которой его пичкали королевские врачеватели – девины. Она объяснила, что всякая магия имеет две стороны, и если светлая лечит, то темная оседает грузом там, где рождается иллама, потому и искры не всегда удастся рассмотреть за тьмным покровом. А ведь принц еще так мал, как можно так травить ребенка магией?

Придворный магистр нехотя подтвердил слова травницы, чем вызвал тихую ярость короля. Принц пролежал десять дней, и хоть чувствовал слабость, выглядел на удивление гораздо здоровее, чем когда он впервые переступил порог дома Веронов. И аппетит у него был хороший, а все благодаря Ив. Она часами сидела у постели Эйнара, положив ему ладонь на лоб, и у принца было странное чувство, будто в него по капле вливается чудодейственная живительная сила.

– Это так действует отвар, ваше высокородие, – утверждала сенора, но Эйнар был убежден, что само присутствие этой порой такой несносной девчонки исцеляет его лучше всяких отваров, магических росчерков и заклинаний.

– А можно, чтобы Ивейна спала в моей комнате? – попросил он однажды отца. Того так утомляли каждодневные перелеты, что сенора Тона как-то, смущаясь и пряча глаза, предложила королю пройтись в ближайший лес за порцией драконьей лапчатки. Тот послушно последовал за травницей и вернулся с полной корзиной, зато теперь они на пару с сыном принимали отвар строго по часам. Надо сказать, чувствовать себя король стал значительно лучше.

– Так нельзя, сын, Ивейна девочка, вы не можете спать в одной комнате, – возразил Сагидар, отхлебывая из кружки.

– Да какая же она девочка, отец, она мой друг, – умоляюще сложил руки Эйнар. – И она настоящий пират.

– Я пират, ваша светлость, – подтвердило это маленькое уморительное создание, потрянув темными кудрями, – хотите, я покажу вам свою пиратскую шхуну? Мне отец смастерил, когда Эйнар выздоровеет, мы поплывем с ним в плавание. Если хотите, можем и вас прихватить.

– Вы считаете, все правители Героны просто обязаны уметь грабить торговые судна, маленькая сенарина? – спрашивал король и покатывался со смеху, глядя, как морщит узкий лобик девочка, раздумывая, зачем и правда его высокородию с его светлостью подаваться в пираты. И что же она такая некрасивая, вот ей бы к ее большим черным глазам да ровный носик, округлое личико и пухлые губки, тогда она вообще была бы замечательной красавицей.

Его светлость очень хотел отблагодарить семейство Верон, он мог подарить им дом, землю и даже даровать титул, а потом подыскать леди Ивейне хорошую партию. Но желающих на такую невесту не много найдется, разве что охочих до приданого, но Сагидар искренне желал девочке счастья, а в муже, любящего не жену, а ее деньги, счастья не много.

Ивейне позволили вернуться в свою мансарду. Вечером того же дня король с королевой, поднявшись взглянуть на спящего сына, со смешанным чувством восторга и изумления смотрели на наследного принца, с безмятежной улыбкой

разметавшегося в своем пуховом облаке. А напротив, у стены, в своей кроватке спала Ивейна Верон, подложив под щечку обе ладони, укрытая необычным одеялом – белоснежными крыльями орланов, распростертыми над спящей девочкой.

Король пытался расспросить Тону Верон об орланах и даже вызвался собрать очередную порцию драконьей лапчатки. Но травница все твердила, что муж ее Абидал подобрал у реки птенцов, она подлечила их, а те возьми, да и привяжись к дочке. Вот такой у нее муж добрый и сердечный человек, и все-то на нем ездят, как вот, например, в минувшем году совет старейшин наняли его соорудить к ярмарке альтанки для продажи сладостей, и что б вы думали, ваша светлость, ни форина не заплатили. А он так старался, ладони в кровь счесал, так что его светлости надо держать ухо остро со старейшинами, с них все как с гуся вода...

Сагидар так замучился слушать трескотню сеноры, что к концу разговора не мог взять в толк, к чему он вообще его завел и что ему было нужно, а сейчас хотел лишь одного, чтобы она, наконец, умолкла.

Сегодня король вернулся раньше, Тона сказала, что дети гуляют неподалеку в посадке, а когда прилетели орланы и стали бить крыльями – даже его светлости досталось разок, – а потом раздался этот жуткий крик Иви. Сагидар думал, что у него разорвется сердце, пока он добежит до посадки. А потом разорвется второй раз, когда увидел на поляне маленького, слабого, беспомощного, но такого родного дракона. И в третий раз, когда из глотки его сына вырвалось пламя, впервые с тех пор, как сгнули сыновья амира Эррегора Болигарда, амираны Арчибальд, Леграс и Севастиан. Последние во всей Андалурсии после своего отца Огнедышащие Драконы.

Глава 3

Эррегор Болигард терял зрение. Это не было тайной с той самой памятной битвы с Сюзеренным Драконом Света Кетьяром Узерой возле Пиковых Скал, когда он одержал победу, полную и безоговорочную, но проклятый Кетьяр запросил пощады, и Эррегор, как последний дурак, его пощадил. За что и поплатился. Сноп света, выброшенный тут же испутившим дух драконом, ослепил Эррегора,

и теперь он видел мир будто через мутное стекло.

Так и были бы хоть драконы, а то одно название. Жабы летающие, вот они кто. И куда смотрела Пресветлая Матерь, когда ее Небесный Сын создавал этих летающих пучеглазых страхолюдин? Не иначе, отдохнуть прилегла да задремала. Самые что ни на есть жабы.

Зато свет, который они изрыгают, ослепляет недругов, вот, к примеру, таких дураков, как амир Болигард. А не был бы дураком, послушал бы мудрого девина Сардима, надел бы светонепроницаемую повязку, так и остался бы зрячим. Но в повязке не та маневренность и скорость не та, понадеялся на свое обычное везение, ведь вся Андалурсия считает, что их амир Болигард заговоренный.

Эррегор вздохнул и заворочался в постели, затем встал, стараясь не разбудить жену, и вышел на балкон. Ночь над Сириданом стояла теплая, раньше он мог видеть и луну, и звезды, а теперь лишь расплывчатое пятно да тусклые точки. Сардим тогда костерил его, на чем свет стоит, имеет право, вместе росли, Сардим у них был за старшего. А амиру без надобности то зрение с тех пор, как тьма пожрала его сыновей, а люльку Элиссы нашли на дне реки. На что ему сдались глаза, если он никогда не увидит своих детей и свет очей своих, свою любовь, свою жену Миррель.

На Алентайну же смотреть ему нет никакой нужды, она даже не нравилась ему никогда, не в его она вкусе, недаром из двух сестер он сразу выбрал Миррель. Он и женился на ней только ради детей после смерти любимой жены, думалось, родная тетя заменит им мать. А потом не стало детей, и Алентайна сделалась ему не нужна. Но не гнать же жену из замка, тем более что, спасая амиранов, она почти полностью истощила свою илламу, остались лишь жалкие искорки, которыми ему едва удавалось подпитать себя. О том, чтобы она понесла, и речи не было, да и амир больше не хотел детей.

Его старшим сыновьям Арчибальду и Леграсу было бы сейчас тринадцать, Севастиану семь, а малышке Элиссе пять. Потому и ушла его ненаглядная Миррель, что так мало прошло времени между родами, а ведь Сардим предупреждал.

Да если бы он знал, запер бы жену с сыновьями в самом дальнем замке и близко бы к ней не подходил, даже не дышал бы на нее. Тот отвар, который варил ей

Сардим, тушил в ней илламу, и сам Сардим хмурил брови и упрекал амира, что тот так не воздержан с женой. Вот она и перестала его пить тайком от них обоих.

Когда он узнал, что Миррель ждет дочь, чуть рассудка не лишился от счастья, а Сардим кричал на него и топал ногами, потому что уже тогда знал, что она не выживет. Если бы был мальчик, у них еще была бы надежда, но Элисса забирала у матери все силы, и тогда Миррель взяла с него слово, что он женится на ее сестре, чтобы у детей была достойная мать.

Амир часами просиживал в ее комнате, где приказал поставить картину, написанную после рождения ЭлиССы, на которой были изображены его дети. Он много отсыпал тогда золота художнику, тот долго мудрил над магической рамкой, зато теперь со временем изображения на ней менялись, и Эррегор мог видеть, как бы менялись его амираны.

Он никого не подпускал к картине, даже Алентайну, незачем ей на них смотреть. Начнет стенать и сыпать упреками, что он ее совсем забросил, а только пялится на своих отпрысков, а ему будет так тоскливо ее слушать, что захочется ее придушить. И незачем ему слушать, Эррегор Болигард жил прошлым, поскольку настоящее его не интересовало, а будущего у него не было. И не только у него, а у всей Андалурсии.

Без Огнедышащих Драконов тьма постепенно заполнит все, сейчас он пока может, борется с ней, но он один, ему все тяжелее, то тут, то там находят очаги тьмы, она клубится и разрастается, и только драконье пламя способно выжечь ее дотла.

Ему бы еще пару-тройку драконов в помощь, но все, кто остались – теперь просто Драконы Огня, звучит как насмешка. Огонь у них в крови, течет по жилам, дает силу обращаться и летать, но выбрасывать из глотки оранжевые языки пламени, того самого, первородного огня, они больше не могут.

Кто знает, за что Небесный Бог их так покарал, чем прогневали они его и его Пресветлую Матерь, когда у Огнедышащих перестали рождаться дочери, а самим драконам пришлось искать себе жен среди всех подряд женщин Андалурсии, лишь бы в них искрилась иллама. И никак не поймешь, может быть дочь дракона, а иллады пол искры, а может дочь лесника, живет в глуши, а

иллама сияет, как тот кетьяров пучок света, тьма его раздери...

Все эти люди, не живется им без магии, и говорено уже переговорено, что магия лечит, она и калечит, так нет же, используют ее с поводом и без повода. А магия она что, она всегда действует одинаково – светлая сторона помогла, а из темной вырвался клочок и закрутился где-нибудь в предгорье или ущелье, пещере или овраге. И копится там, собирается, чтобы вырваться однажды и пожрать все вокруг, если только не заметит ее патруль дозорных да не сообщит своему миру.

И ладно бы по делу использовали, а то так, на всякую ерунду, что слова доброго не стоит. Казалось бы, подними свой зад, влезь на дерево да собери у себя в саду сочную ягоду еленики, так нет же, сидит над магическим кругом, ураган на дерево призывает. А тот ураган возьми и поковыляй все деревья в саду с корнями да свали все на дом недоумка, тьма его за ногу. И сидит, потом, заново колдует, халупу свою отстраивает.

Так это полбеда, с такого как раз темной силы и немного остается, где ж ей взяться, когда надо деревья над домом недоумка кружить, тут и светлая и темная стороны обе – язык на плечо и еле дух переводят. А вот как начинают люди друг другу пакости делать, тут уж держись. Одни пакостят, другие защищаются, вот тут-то и клубится она, тьма, черным туманом, только успевай выжигать.

Амир вернулся в спальню и лег на кровать. Надо спать, завтра лететь в Герону, у мальчика Сагидара при первом обращении из пасти вырвался огненный сгусток, парнишке всего девять, обращаются обычно годам к двенадцати. Неужто королева Эллирия сделала такой подарок мужу и всей Андалурсии – Огнедышащего Дракончика? Мальчик ослабевший, сюда его не повезут, да и травница там удивительная выискалась, вроде как она вылечила сына Сагидара. Завтра он во всем разберется, а сейчас попробует заснуть.

Эррегор сомкнул веки, и сон навалился на него, будто тяжелый покров опустился на разгоряченную голову, через минуту он уже крепко спал и видел во сне своих подросших амиранов.

* * *

Болигард выслушал короля с королевой, всех свидетелей, королевских девинов и так ничего и не понял. Принц в дракона обратился, пламя изрыгнул, дерево поджег – ему его чуть ли не под нос сунули, будто он обгоревших деревяшек не видел! – но причину такого раннего обращения никто объяснить не смог. Драконья лапчатка в качестве панацеи от всех болячек вызвала у Сардима лишь ехидную усмешку, поскольку всем известно, что название это произошло исключительно из-за схожести листа растения с лапой дракона, а никак не из-за каких-то особенных, целебных для драконов свойств.

Утром, когда собирались в путь, Сардим упросил Эррегора понести его с собой, он на дух не переносил моравов. Амир поворчал для порядка, мол, сколько можно на чужом горбу ездить, но все же милостиво позволил старому другу усесться себе на хребет, и старался не смотреть на Алентайну, обиженно супившую брови. Не носил он ее никогда на себе и не понесет.

Сардим тоже дракон, только не обращенный, что-то там в юности пошло не так, зато девин из него отменный. А на спине Эррегора сидели только Миррель с детьми, и как бы Алентайна не дулась, летать ей исключительно на моравах, а еще можно ходить пешком. Но теперь спина болела, будто не старого друга он нес на себе, а тащил дохлого Кетьяра, тьма его...

Эррегор встал, расправил одежды и приказал вести его к дому травницы, пора наведаться к ней, осмотреть маленького наследника Эйнара Астурийского, расспросить его и ту девчушку, что с ним играла, а то слушать бестолковые разговоры геронских девинов да залиvistые речи старейшин сил у него уже не было.

Входя в дом Веронов, амир хорошенько приложился царственным лбом о дверной косяк, до чего же низенькие у них тут двери! Сенора Тона ахнула, всплеснула руками и побежала к своим горшкам да бутылкам, что-то там помудрила и, присев в неловком полупоклоне, испросила у его царственного величества позволения сделать ему примочку из какой-то очередной страшно целебной травы.

Амир разрешил и, закрыв глаза, с удовольствием терпел прикосновения тонких пальцев сеноры и поглядывал в ее сторону со все более и более возрастающим интересом. Он не видел четко ее лица, зато отлично различал очертания фигуры и основные изгибы ему пришлось по душе. Если его не волнует собственная супруга, то это не значит, что его не интересуют другие женщины. Но они здесь

в гостях, вон там стоит ее муж, а где-то бегают маленькая дочка, вот если бы пригласить ее в замок полечить спину...

Пригласить тоже не самая лучшая идея, но на спину амир Эррегор травнице на всякий случай пожаловался. Далее снова принялись заседать, позвали принца Эйнара, Эррегор долго расспрашивал его о его ощущениях, эмоциональных изменениях и перефокусировке зрения.

Но мал был еще для этого принц, ох как мал! Кроме как о том, как он испугался, мальчику рассказать было нечего. Вспомнил только, когда спросили его об эмоциональных изменениях, как хотелось ему дать подзатыльник маленькой Ив, когда та заявила, что у жука есть крылья, а у Эйнара нет. И тогда позвали ту самую Ив.

Эррегор ее поначалу даже не заметил, уж такой крошечной была девочка с ручками-веточками и ножками-палочками. Она вышла наперед и поклонилась сначала амиру, потом королю. Как вдруг в тишине раздался брезгливый голос Алентайны:

– Фу, Пресветлая Мать, какая же она некрасивая!

Девочка захлопала глазами – большими, даже Эррегор их различал на мелком лице девчушки – а затем вдруг зашлась плачем, закрыв лицо ладошками. Амир досадливо поморщился, ну что за несносная женщина, неужто так тяжело промолчать, да какое ей дело до этой девчонки, можно подумать, в такой глуши кому-то нужны красавицы! Может, получится уговорить Сардима напоить ее каким-то зельем, чтобы она онемела? Вот Эррегору настало бы счастье!

Неожиданно к девочке метнулся Сагидаров наследник, заслонил ее собой и, сжав кулаки, грозно повернулся к Алентайне.

– Ваше величество, Ивейна мой друг, вы не смеете ее оскорблять, этим вы наносите оскорбление и мне, наследнику Героны!

Гляди ж ты, парень молодец, вступился за подружку! А Алентайна сидит, кривится, она и правда такая дура, не понимает, что если все подтвердится, то сейчас перед ней стоит будущий амир Андалурсии? Если мальчик подрастет и сможет дышать огнем, то Эррегор заберет его с собой и объявит наследником, а

Герона уж как-нибудь перебьется, Сагидар себе еще нарожает.

- В Героне не обижают детей, амира Алентайна, - ровным голосом поддержал сына геронский король. Та собралась что-то ответить, но Эррегор жестом приказал ей молчать, а девочку поманил к себе.

- Как тебя зовут? - обратился он к хлюпающему носом ребенку. - Сколько тебе лет?

- Ивейна, ваше величество, - чуть слышно прошептала та и снова всхлипнула, - пять.

Что-то дернулось внутри амира, дернулось и сжалось. Элиссе тоже сейчас было бы пять, хотя стоявшая перед ним девочка на пять лет никак не тянула.

- Скажи тогда мне, Ивейна, почему ты плачешь?

- Ее величество сказала, что я некрасивая.

Ох, дитя, если бы ее величество забрала тьма, его величество в тот же день бы объявил неделю народных гуляний по всей Андалурсии. А твою матушку Тону немедленно пригласил во дворец, уж нашел бы повод.

- Почему ты хочешь быть красивой, Ивейна?

Девочка задумалась, а затем неуверенно ответила:

- Ну я же должна выйти замуж, а кто захочет на мне пожениться, если я некрасивая?

- Подойди ко мне ближе, девочка, - Эррегор наклонился к ней, - ты знаешь, что я плохо вижу?

Ивейна кивнула, заинтересованно рассматривая его лицо.

– Я не вижу твоего лица, Иви, и мне все равно, какая ты, красивая или нет, так скажи, почему тебя нельзя взять замуж?

Девочка перестала плакать, расширила глаза, наклонилась к Болигарду и громким шепотом спросила:

– Ваше величество, а вы что, собрались на мне пожениться? Так ведь у вас жена есть! И вы такой... немолодой!

Сардим сбоку хрюкнул в кулак и затрясся от беззвучного смеха, король Сагидар прикрывал лицо рукой и что есть сил отворачивался. И только Алентайна поджала губы в нитку и скривилась.

– Нет, Ив, у меня и правда есть жена, и я не так стар, как тебе кажется. Я хотел сказать, что не все видят внешнюю красоту, есть кое-что другое. Иди сюда, садись, – он, повинувшись внутреннему импульсу, поднял ее и усадил себе на колено. Ну какая же она маленькая, таких пять в ряд на его колене можно разместить. – Есть такая штука, любовь называется. И если между людьми возникает любовь, то никто не смотрит ни на лицо, ни на тело, лишь бы рядом был дорогой твоему сердцу человек.

– Или дракон, – подняла головку Ивейна.

– Или дракон, – подтвердил Эррегор, глядя ее по голове и внутренне себе изумляясь, с чего это ему взбрело в голову нянчиться с обиженным дитем. Прикрикнул бы на жену, пожаловал родителям чего-то в дар и достаточно. Но ему так захотелось подержать на руках эту чужую девочку, чтобы хоть на миг ощутить то забытое чувство, когда он вот так рассаживал на коленях своих сыновей, а самый маленький, Севастиан, пах, как могли пахнуть только его дети.

– И ты должна знать, что в этом мире уже есть один мужчина, который любит тебя больше всего на свете, Ивейна, – продолжил амир, – это твой отец. Ты знаешь, что у меня была дочь?

Девочка кивнула. Амир прикрыл глаза, отчего так разбередила душу эта крошечная дочка травницы? Может, дело больше в ее матери?

– Так вот, Ив, если бы она была сейчас со мной, мне было бы все равно, какая она, некрасивая, кривоногая, пусть хоть лысая, лишь бы она была у меня, ты понимаешь?

Он с ужасом почувствовал, как глаза предательски увлажнились, и слезы покатались по щекам, и что ж его так развезло на глазах у своих ленников! Но Ив вскочила, приподнялась на носочках и принялась вытирать его глаза ладошками, и Эррегору вдруг стало совсем начхать на то, кто и что подумает. Она обняла, точнее, попыталась обнять его могучую шею, которая была, наверное, толщиной с саму Ив, и прильнула к нему, глядя по голове, как только что он гладил ее саму.

А амир Болигард, замерев от этого трогательного участия, вдыхал запах девочки и думал, что, наверное, все маленькие дети пахнут одинаково, потому что совсем она напомнила ему младшего Севастиана, и успокаивался.

– Подождите, амир, сейчас, – Ив метнулась куда-то, окружающие молчали, опешив от неожиданного зрелища, а Эррегор чувствовал в глазах незнакомое покалывание. Не иначе от слез, шутка ли, когда он плакал в последний раз?

А Ив уже прибежала назад, развернула обертку и сунула ему в руку замусоленный леденец.

– Вот держите, ваше величество, – амир не видел выражения ее лица, но его слабый взор уловил победный блеск глаз маленькой Ивейны. Ему почудилось, что мутное стекло, сквозь которое он смотрел, стало немного чище? – Это мне Эйнар отдал. Отец покупает нам леденцы, Эйнар отдает мне, а в меня сразу два не лезет.

– Наследник Героны добр и щедр, как и подобает будущему королю, – серьезно кивнул Эррегор, беря леденец, заворачивая в обертку и пряча его в карман.

– Нет, ваше величество, я просто сажусь в угол и отказываюсь с ним играть, – простодушно поведала девочка. Судя по хмурой физиономии наследника, девчонка говорила правду, странно, он еще совсем недавно видел вместо лица Эйнара сплошное пятно.

– И что ты там делаешь, в углу? – амир старался казаться серьезным.

– Ем свой леденец, – судя по голосу, Ив поражалась недалекости собственного правителя.

Сардим снова сдавленно хрюкнул, а Сагидар уже хохотал в открытую, за ним подтянулись остальные. В общем смехе тонул возмущенный голос Абидала Верона, который стыдил свою дочку, но ее защитник уже был тут как тут и держал свою маленькую подружку за руку, готовый защищать ее от всего мира.

Пока Сардим осматривал Эйнара, чудная сенора Тона вызвалась полечить амиру спину, если он, конечно, соизволит принять ее помощь. Эррегор не всегда дурак, тут же бегом согласился и, выдворив Алентайну в гостевой дом к старейшинам, улегся прямо на пол посреди комнаты, куда ему настелили ковров и одеял, потому что в доме Веронов не нашлось кровати, которая бы выдержала такого большого дракона.

Сегодня день был хорош во всем. Сардим на ухо рассказал амиру, что лишь только Алентайна в сопровождении старейшин вышла из дома Веронов, откуда-то сверху взвилась белая птица и, одарив ее величество щедрой порцией своего добра, понеслась к лесу. И ни на кого больше не попало! Амира вопила и ругалась, требовала полк арбалетчиков, но один из старейшин мудро заметил, что птичье дерьмо оно к деньгам, так что теперь ее величество станет еще богаче и могущественнее.

Она, кстати, завела с травницей разговор о средстве от женских немощей, но та поджала губы и развела руками, сказав со вздохом, что ничем таким не занимается и в этой области ничем помочь не может. А Эррегор точно знал, что врет, как сивый морав, поскольку старейшины говорили ему, сколько ребятни появилось у них в селении благодаря Тоне Верон. И поделом, нечего чужих детей обижать.

Так хорошо было лежать на пахнущих травами простынях, чувствовать, как мягкие руки втирают в спину такую же пахучую мазь, и если бы не Сардим, обсуждавший с сенорой Тоной состав и действие мази, он точно не сдержался бы и вмял ее в эти самые простыни, до чего ему было тяжело сдерживаться. Хорошо хоть на животе лежал, ни Тона, ни старый друг ничего не заметили.

Эррегор уже засыпал, как те же руки мягко потянули его за плечо, он повернулся на спину, а она начала промывать ему глаза чем-то теплым, а затем

на глаза легла повязка, амир уснул и впервые спал крепко, без мучительных сновидений.

Наутро, сняв повязку, он обнаружил, что лежит в облаке неведомого белоснежного пуха, укывшего его, как одеялом, и, главное, видел, что стекло осталось, но его будто чисто вымыли и вытерли насухо, причем без всякой магии. Поднялся жуткий переполох, словно к нему не зрение вернулось, а наоборот, обе ноги отнялись. Даже Сардим выглядел растерянным и смотрел на Тону совсем другим взглядом, с уважением, смешанным с раскаянием.

Из столицы были срочно вызваны девины и магистры, составы мазей и отваров травницы были подвергнуты мельчайшему разбору, а там, где она собирала свои травы, выставлены кордоны королевских гренадеров. Тона промывала его величеству глаза, и с каждым разом зрение становилось все четче и острее, постепенно пропало стекло, а по Андалурсии понеслась весть, что случилось чудо, и их защитник и повелитель амир Эррегор Болигард прозрел.

Глава 4

Одиннадцать лет спустя

– Ты уверен, Рас? – король задумчиво рассматривал лежащие перед ним записи. Рассел проделал огромную работу, и теперь его светлость сам поражался, как это он раньше ничего такого не замечал.

– Посмотрите сами, мой король, – уклончиво ответил тот, поправляя бумаги, – я не могу утверждать, я лишь предполагаю. Мне показалась странной такая закономерность, и я решил проверить. Пока что все сходится.

Его светлость нахмурился. Рассел Северин, новый королевский девин, был на своей должности всего год, но мог дать фору самым заслуженным врачевателям. Его привел себе на замену старый Ингар, Рас попал к нему в услужение без малого пятнадцать лет назад.

Откуда он пришел, где его семья, молодой человек рассказать не мог, поскольку, по утверждению самого Рассела, он потерял память, но Ингар столько повидал таких, беспмятных, на своем веку, что сначала не поверил. Молодой, с телом воина, юноша не казался больным, лишь в темных волосах пролегалла широкая полоска седины.

Ингар проверял парня и так, и эдак, и в конце концов, убедившись в его правдивости, взял в дом. Незаметно для себя самого он начал привлекать его к врачевательной деятельности, и, к своему безграничному удивлению, стал замечать, как легко даются парню любые знания, а о практике и говорить нечего, у молодого Рассела Северина явно имелись врожденные способности к ремеслу врачевания. Видать, силен был в мальчишке первородный огонь.

Ингар догадывался, что это и могло послужить причиной событий, по которым Рас – да и не Рас он был вовсе, он и не скрывал – оказался без роду и без памяти, но поскольку никого похожего в Андалурсии пропавшим объявлено не было, Ингар справедливо рассудил: коль уж на родине не оценили дар парня, так пусть и кусают теперь себе локти, а Герона только выиграет от такого приобретения.

Выигрывал, конечно же, очень долго, собственно, сам Ингар, Рассел работал на него, а заслуги присваивал себе старый девин. Но парень был не в претензии, и Ингар с лихвой отблагодарил его, предоставив в пользование самую обширную в королевстве библиотеку и щедро делясь всеми знаниями, которыми обладал сам. Детей у него не было, так что само собой подразумевалось, что преемником, а там и наследником, он назначит Северина.

Сагидар терялся в догадках, как старый пройдоха умудрялся прятать такой талант целых пятнадцать лет и лишь когда собрался на покой, представил его королю, как своего помощника, и рекомендовал на должность королевского девина.

С первых дней новый врачеватель проявил себя с самой лучшей стороны, и спустя несколько месяцев его светлость сам себе дивился, недоумевая, как он мог без него обходиться. Рас заинтересовался травницей Тоной Верон, лично нанес ей несколько визитов, и вот теперь перед королем лежали результаты кропотливой работы пытливого ума девина Северина.

– Я обратил внимание, что записи ведутся двумя разными почерками и решил, что их записывают по очереди мать и дочь. Логично предположить, что кто ведет прием, тот и делает запись. Конечно, дочка может помогать матери, но вряд ли мать будет в подручных у дочери. И вот перед вами результат моих исследований, ваша светлость, если у матери исцеление получал каждый третий, то у дочери... – он ловко выудил нужный лист и положил перед королем.

– Как это понимать? – Сагидар поднял на Рассела неверящий взгляд.

– А так, что излечивались все, ваша светлость, все без исключения.

Король подпер руками подбородок и снова задумался. Малютка Ив, неужели они и правда были так слепы? А ведь похоже на правду. Магией там и не пахло, значит...

– Иллама, Рас. Ты должен проверить ее на илламу.

– Да, ваша светлость, только первородный огонь может давать такой эффект.

– Не говори пока никому, – Сагидар встал из-за стола и прошелся по кабинету, – девочке на днях исполнится шестнадцать, она должна пройти обряд сияния. Я отправлю за ней Эйнара, они были очень дружны в детстве, правда, сын вот уже лет пять туда носа не кажет. Пусть он пригласит ее во дворец, мы проведем обряд здесь. Ты его и проведешь.

– Вы хотите, чтобы принц призвал ее в качестве своей избранницы? – удивленно переспросил Рассел.

– Да. А что такого, Рас? Мы можем призвать их хоть сотню, это же не значит, что все они станут невестами принца. Пока что мы проведем обряд, а ты определишь силу иллады, все как обычно. Мы можем ошибаться, и в девочке иллады либо нет, либо ее немного. Тогда никто не в обиде, а просто так явиться к ним с изысканиями будет невежливо, мне не хотелось бы ранить сенору Тону недоверием, особенно сейчас, когда она лишилась мужа. Да и амир к ней благоволит, это всем известно.

Вообще-то амир Болигард благоволил к не меньше, чем двум десяткам женщин, по крайней мере, о стольких было известно Сагидару. Но к сеноре Тоне у того было особое отношение с тех пор, как она вернула ему зрение, и амир никогда не позволял себе в отношении нее ничего лишнего.

После того чудесного исцеления Эррегор вознамерился забрать сенору с собой и даже уже организовал переезд семейства Верон, как вдруг воспротивилась Ивейна. Она наотрез отказалась уезжать без своих орланов, а орланы прятались в лесу, лишь только амир ступал на порог, и никакая сила не могла вернуть их в дом.

Да и Абидал проявил неслыханную твердость, отказавшись переезжать, и Тона сдалась. Теперь они и вовсе остались вдвоем после того, как на охоте на Абидала Верона напал дикий турон и порвал его в клочья. Охотники не донесли его дома, Аб скончался, не успев проститься ни с женой, ни с дочерью.

– Даже если иллама Ивейны сильна, Эйнар не обязан ее выбирать, я не могу заставлять сына, – Сагидар подошел к окну и заложил руки за спину. – Нам просто нужен повод определиться с Ивейной, не разглашая причину, и удобнее всего это будет сделать во дворце. Мне всегда нравилась эта девочка, жаль, что она так некрасива, – король вздохнул и уставился в окно. – Хотя, я давно ее не видел, может, повзрослев, она стала хоть немного привлекательнее? Подростком она, признаться, была ужасна.

Девин Северин скорбно поджал губы и жалостливо покачал головой. Что ж, какой бы ни была Ивейна, Сагидар должен убедиться в правдивости его изысканий, и, если выяснится, что девочка и правда так сильна, она просто обязана занять достойное положение при дворе либо в качестве девины, либо магистрессы, но никак не торчать в этом забытом Небесным Богом селении.

* * *

– И ты вызвал меня специально для того, чтобы я тащился с тобой в эту глушь поздравить с днем рождения твою младенческую привязанность? Эйнар, у тебя совесть отсутствует даже в самом зачаточном состоянии, – светловолосый молодой человек с безупречной осанкой сидел на столе, свесив ногу, а напротив него развалился в кресле наследный принц Героны, и на лице его блуждало выражение той безграничной скуки и вселенской печали, которое присуще

юнкам, годам с семнадцати считающим себя познавшими жизнь умудренными мужчинами и не ждущим от нее ничего более захватывающего и исключительного. Как правило, прозрение наступает в период от двадцати до двадцати пяти, не зря в Андалурсии совершеннолетними юноши считаются с двадцати двух лет.

Им обоим как раз только исполнилось по двадцать – Дастиан, воспитанник и наследник амира Болигарда, сын его родной сестры, был всего лишь на четыре месяца старше геронского принца, – потому принцу такое выражение лица было более чем простительно.

Оба молодых человека были слишком изящны для драконов, хотя уже сейчас через тонкий шелк сорочек угадывались широкие торсы и крепкие мускулистые руки. До совершеннолетия оставалось целых два года, до этого возраста, как им с детства вбивали в головы, не следует бездумно расходовать илламу, поскольку нет постоянного источника ее пополнения. Потому полагается воздержаться от частых полетов и обращаться по случаю крайней нужды, а без них откуда взяться мышцам и рельефу?

– Какой привязанности, Дастиан? Я вообще не понимаю, с чего отцу приспичило меня за ней отправлять, а еще и объявлять ее своей избранницей. Чуть какая. Это же Ив! Да, мы в детстве играли, с ней было весело, но, когда я видел ее в последний раз, она все время молчала, жутко краснела, и я там чуть от скуки не умер. Я уже пять лет отправляю ей подарки к дню рождения, а она меня в ответ благодарит. Все. Я даже не знаю, что ей отсылают от моего имени, – наследник вздохнул и зевнул.

– Мой дядя отзывается о ней очень тепло, – задумчиво проговорил Дастиан и переменял позу.

– Отец тоже, – ворчливо поддержал его Эйнар, – вот пусть сами и возьмется с Ив. Что скажет Амарилия, когда узнает, кого я пригласил в замок на обряд сияния? А Тальяна?

– Ты будущий король. Ты волен приглашать кого угодно, – возразил светловолосый Дастиан.

– Ладно, вызвал я тебя вовсе не для того, чтоб пожаловаться, – принц таинственно оглянулся, – и конечно же не для того, чтобы мы тряслись туда на

моравах. Нам они понадобятся только до окраины столицы.

– Ты предлагаешь дальше лететь самим? – брови Дастиана взлетели и застыли дугой. – А куда мы потом денем моравов?

– С нами полетит Рассел Северин, отцовский девин. Мы оставим ему их и одежду.

– А он не расскажет его светлости? Мы растратим илламу, и дядя потом еще с год будет зудеть и вспоминать мне этот полет!

– А разве я говорил, что в Героне нехватка желающих совершенно безвозмездно поделиться илламой с двумя привлекательными молодыми людьми, еще в придачу и принцами? Мне ли тебя учить? – Эйнар откинулся на спинку кресла и рассмеялся. – А насчет дяди, неужто ты забыл, как в прошлый ваш приезд королевские девины с ног падали, сутками заваривая зелье от зачатия и ведрами таская его в покои нашего амира? И разве кто-то видел тогда во дворце амиру Алентайну? Я вообще убежден, что эти сказки про магический брачный обряд придуманы исключительно для того, чтобы испортить жизнь молодым драконам. Это просто пережиток какой-то, ну правда, Дастиан! Ну, скажи, по совести, какая к тьме разница, брать илламу от жены или просто от доброй щедрой женщины?

– Да, дядя у меня любвеобильный, – тут пришла очередь смеяться Дастиану, а затем уже добавить серьезнее: – Хорошо, уговорил, летим. А насчет обряда я с тобой не согласен, друг, что-то есть в этом, как ты говоришь, пережитке. Посмотри на своих родителей. А когда была жива амира Миррель, я точно знаю, что дядя в сторону других женщин и не взглянул ни разу.

– Вот и расспросим по дороге девина Северина, он у нас лучший ведающий по илламе, – Эйнар вскочил с кресла и, потянув за собой Дастиана, направился к двери, – а пока пойдем, у меня есть один адресок, – он хитро подмигнул приятелю, – там нам точно никто не откажет в хорошей порции первородного огня!

* * *

– Нет, ты мне все же объясни, почему? – геронский принц потрянул темными прядями и сжал в руках поводья. – Почему я обязательно должен жениться, когда мне исполнится двадцать два года? И что это за возраст такой особенный?

– Это возраст, с которого юноши вроде вашего высокородия и его высочества в Андалурсии считаются совершеннолетними, – невозмутимо ответил девин.

– А почему именно двадцать два? Почему не двадцать, к примеру?

– Предполагается, что к двадцати двум годам у горячих юношей вроде вашего высокородия и его высочества появляются хоть какие-то... – Рассел определенно хотел сказать «мозги», но сдержался, причем, с явной неохотой, – предпосылки для адекватного восприятия действительности. Те непримиримые противоречия, которые возникают между вашим внутренним миром, внешними реалиями и вашим организмом, становятся, хм... скажем, не такими непримиримыми.

Эйнар дернул поводья и подозрительно уставился на Рассела так, что даже его морав остановился. У него появилась необъяснимая уверенность, что девин над ними издевается, но тот погонял своего морава все с тем же невозмутимым видом, и Эйнар припустил следом.

– Хорошо, – не сдавался он, – а женитьба тут при чем?

– Брачный обряд, проводимый в храме Небесного Бога, устанавливает между брачующимися прочную невидимую связь, так что ваша жена сможет передать вам илламу даже будучи на другом конце Андалурсии.

– А я всегда считал, что иллама передается только через... то самое, ну, вы понимаете, – неожиданно смутился принц, а затем упрямо продолжил, – мы ведь можем получать ее от других женщин, не только от супруги!

Девин смерил его сочувствующим взглядом и снова устремил взор вдаль.

– У вас весьма искаженные и примитивные знания об илламе, ваше высокородие. Первородный огонь во всей полноте переходит от одного супруга к другому только в освященном Небом брачном союзе. Через «то самое» в полной мере передаются, как правило, лишь венерические болезни, так что от других

женщин вы иллары можете и не дожидаться, а вот лихорадку красного железа получите гарантированно. Ну, или свербянку Морта, – подумав, добавил он и тут же заверил покрасневшего наследника Астурийского, – не беспокойтесь, ваше высококордие, я вас в любом случае вылечу.

– Как вышло, что вы специализируетесь буквально в любой сфере врачевания, мэтр Северин, – решил вступить за друга Дастиан, – даже в такой щекотливой, как эта?

– Я девин, моя обязанность лечить людей, – пожал плечами Рас, – для меня все человеческие органы одинаковы. Если орган болен, его нужно либо лечить, либо удалять. А если бы вы, ваше высочество, проработали в нашем городе помощником мэтра Ингара столько, сколько я, вы бы сами стали ходячей энциклопедией по венерическим хворям.

Принцы умолкли и больше не поднимали тему иллары и непотребных болячек до самой окраины. Выбравшись за пределы столицы, юноши спешили и принялись стаскивать с себя одежду. Рас связал ее в узлы и привесил к седлу своего моравы, зажал его спину коленями, а двух остальных моравов придержал за поводья. Принцы легко взлетели в седла.

– Вперед, Дастиан, наконец-то мы снова летаем! – не мог сдержать восторга Эйнар и присвистнул, прищпорив своего моравы. Рас лишь усмехнулся.

Возможно, ему не стоило поддерживать эти мальчишеские шалости, но зная, где и как провели полночи оба наследника, опытный девин не видел никакого ущерба от обращения. В них обоих бушевал такой огонь, что оставалось загадкой, почему это буйство не находило выхода через огненное дыхание.

Рас давно бился над этим вопросом, а ответ так и не находился. Может, потому драконы перестали быть Огнедышащими, что слишком вольно и неразборчиво восполняли растроченные запасы, как вот эти двое молодых, горячих мальчишек? Первородный огонь как кровь, если в здоровый организм влить дурную кровь, он непременно делается больным, но как это доказать, Рас пока не знал.

Они мчались по небу, юноши поднялись на ноги и выпрямились, балансируя руками. Рассел Северин затаил дыхание, крепче сжимая поводья. Обращение

драконов само по себе захватывающее зрелище, а когда это происходит в небе, да еще в полете, это просто восхитительно.

– Давай, на раз-два-три, – повернулся Эйнар к принцу, его глаза горели от восторга. Дастиан азартно кивнул и начал счет.

– Три! – они оба подпрыгнули в кульбите и полетели вниз, широко распластав руки, но тут же их тела несколько раз провернулись вокруг своей оси, плечи расправились, спины выгнулись, из глоток вырвался угрожающий рык.

Рас дернул поводья, успокаивая обезумевших от страха моравов, а над ними высоко в небе уже парили два молодых дракона, и Северин, прищурившись, признавал, что ничего прекраснее в своей жизни он не видел.

Глава 5

Рассел сам не понял, как это случилось. Скорее всего, геронский шкодник, просвистев крыльями чуть ли не у самого уха Расы, испугал животных, и один из моравов, взвившись, как подхваченный ветром лист, вырвал поводья и помчался по небу с утробными криками.

А ведь они почти добрались, ну как тут не вспомнить одно бранное слово, куда более метко характеризующее подобное стечение обстоятельств, чем все богатое разнообразие родного андалурского? Рас тут же и вспомнил, и с чувством озвучил, досадливо глянув на принцев. Хоть бы хватило ума не погнаться за моравом в драконьем обличье, зверь точно от страха забьется в конвульсиях, и тогда только и останется, что пристрелить его из арбалета.

Внезапно над лесом поднялась белая крылатая тень. Девин сначала было решил, что это чья-то магическая инкарнация и снова выругался – не иначе как очередной умник возомнил себя магом и решил нагнать страху на соседей. Но присмотревшись, он понял, что это птицы. Два белых орлана летели рядом бок о бок, тесно переплетаясь крыльями, и лишь когда они подлетели ближе, Рас увидел распластавшуюся на сплетенных крыльях тонкую фигурку Ивейны Верон, одетую в мужскую одежду.

Нет, он, конечно, не мог рассмотреть ее издали, но странно было бы предположить, что орланы взяли на крыло кого-то другого. Ивейна обнимала орланов за шеи, сейчас они уже настигли взбесившегося мораву и летели прямо над ним.

И тут у Раса глаза полезли на лоб. Ивейна выпрямилась и начала осторожно подниматься на ноги. Пресветлая Мать, что эта девчонка делает? Сейчас не удержит равновесие и полетит вниз головой, он точно не успеет перехватить, ну, разве что орланы успеют.

Но Ивейна достаточно крепко стояла на ногах и уверенно балансировала. Внезапно Рас замер, на миг ему показалось, что девчонка кувыркнется сейчас, точь-в-точь как принцы, раскинет руки и начнет проворачиваться в воздухе. Он даже головой встряхнул, прогоняя видение.

Однако девушка не стала кувыркаться, она выждала, пока орланы протянут чуть вперед, а потом просто прыгнула вниз прямо на спину мораву. Через миг она уже сидела в седле, обхватив зверюгу за мускулистую шею, поглаживая ее и наматывая на руку поводья. Морав еще пару раз дернулся, а потом затих и послушно начал снижаться, управляемый тонкой, но уверенной рукой.

Они опустились на широкую поляну, Рассел спешил, взял под уздцы всех троих моравов и отвел подальше под деревья, сейчас изволят приземлиться наследные принцы, зачем животных лишний раз нервировать. Морав, пойманный Ивейной, уже успокоился, но его бока все еще мелко подрагивали, и уши настороженно стояли торчком.

В небе раздался гул, драконы закружили над поляной и, ломая ветки, свалились вниз, неуклюже запрокинув растопыренные лапы. Рас зашелся в приступе кашля и отвернулся, надеясь пересмеяться, пока принцы примут человеческий облик. Ивейна, закусив губу, сочувственно смотрела на барахтающихся посреди поляны и рыкающих друг на друга драконов.

– С хвоста его высочества слезьте, ваше высокородие, – сдавленно крикнул Рас и снова отвернулся, утирая слезы. Драконы еще порычали, поухали и, наконец, выгнувшись, обернулись принцами, а уханье плавно перешло в дикий хохот.

– Я же рычал тебе, бестолковая твоя голова, что ты на хвосте моем лежишь, – согнувшись пополам и сотрясая рукой перед носом у стонущего геронского наследника, сипел Дастиан, – а ты заладил: «Давай, первым обращайся, давай первым...»

– Рас, – еле выдавил из себя Эйнар, – Рас, это был его хвост! Я-то думал, на корягу задом напоролся, – и он снова зашелся от хохота. Какие двадцать два, Пресветлая Матерь, да этим обалдуям хоть бы к тридцати годам совершеннолетними сделаться!

Испуганное «Ох!» отвлекло Рассела, он повернулся и увидел, что Ивейна закрыла лицо руками и спряталась за деревом. Тьма с этими наследными дурнями, он совсем не подумал, что принцы красуются посреди поляны в чем мать родила, бедная девочка, в конец ее засмущали.

– Оденьтесь, ваше высокородие, имейте совесть, – укоризненно проговорил он, бросая принцам узлы с одеждой, – и вам, ваше высочество, не пристало перед подданными нагишом являться. Девочку совсем в краску вогнали.

– погоди, Эйнар, – нимало не смущаясь, воскликнул Дастиан и запрыгал на одной ноге, пытаясь попасть другой ногой в штанину, – ты хочешь сказать, твоя подруга детства ни разу не имела счастье лицезреть твой голый зад? Ты что, перед ней ни разу не обращался?

– Один раз, – нехотя ответил Эйнар, – да и то в глубоком детстве. Когда огнем плевался. Мы тогда здорово испугались оба, о моем заде никто и не вспомнил. Ив, – позвал он, и Рассел с удивлением, смешанным с тайной радостью, обнаружил, что Эйнар Астурийский тоже умеет смущаться, – здравствуй, Иви! Спасибо, что поймала моего мораву. Это было так здорово! А ты когда научилась летать на орланах?

Девушка вышла из-за дерева, она уже справилась с волнением, но трогательный румянец еще покрывал бледные щеки. Она неожиданно изящно поклонилась обоим наследникам.

– Ваше высочество амиран Дастиан, ваше высокородие принц Эйнар.

– Очень рад познакомиться с вами, сенарина Верон, – учтиво поклонился Дастиан и мягко поправил, – только не амиран, Ивейна, а принц. Мой дядя амир Болигард был так добр, что объявил меня своим наследником, но я не Огнедышащий, поэтому в очереди на престол я на одной ступени с остальными наследными принцами Андалурсии. У Эйнара и то больше шансов, он единственный, кто выдыхал огонь.

– Только однажды, – проворчал Эйнар, – дернула меня тогда тьма. Всю жизнь мне теперь это вспоминают. Жуткие ощущения, словно в глотку раскаленное железо воткнули.

– Вы так ни разу больше и не смогли выпустить пламя, ваше высокородие? – спросила Ивейна, нерешительно поднимая глаза на принца. Ее голос звенел, как колокольчик, длинные ресницы вздрагивали пугливыми мотыльками. Она не знала, куда деть руки, и пусть Рассел Северин провалится под землю, не сходя с этого места, если маленькая черноволосая сенарина по уши не влюблена в геронского балбеса.

– Слушай, Ив, хватит блеять как сайран, какое я тебе, к тьме, высокородие? – поморщился тот. – Тебе так сложно говорить мне Эйнар?

– Я... Я отвыкла, ваше высокородие, – Ивейна сказала еще тише и снова отвела взгляд.

– Да брось, – махнул рукой принц и, скривившись, потер себя ниже спины. – А у вас с сенорой Тоной найдется какое-нибудь чудодейственное снадобье, которым можно натереть мою задницу, Ив? Кто ж знал, что у этого засранца такой колючий хвост? Простите, ваше высочество, – спохватился он и низко склонился перед Дастианом.

– Если не угомонишься, тебе понадобится бочка такого снадобья, дурья башка, пожалуй, я тебя в ней утоплю, – надменно проговорил тот и запрыгнул на спину Эйнара.

Через миг молодые люди уже с хохотом катались по траве, каждый пытался одержать верх над противником. Рас переглянулся с Ивейной и поднял глаза к небу, маленькая сенарина едва сдерживала смех.

– А ваша матушка случайно не подскажет, растет ли здесь какая-нибудь трава для прибавления ума, сенарина Верон? – очень серьезно спросил Рассел, глядя на нее. – Я прислал бы сюда полк гренадеров, и они выкосили бы ее под корень для этих двух достойных юношей.

Ивейна кусала губы, в ее глазах плясали огоньки.

– Такая трава есть, мэтр Северин, – невинно взглянула она на королевского девина, – но, боюсь, ее будет мало, даже если королевские гренадеры свезут ее в Герону со всей Андалурсии.

Послышался шум крыльев, Рассел поднял голову, два белых орлана уселись на нижних ветках, а третий, меньший, подлетел к Ивейне и начал ластиться к ней, слово яхненок.

– Все хорошо, Севи, видишь, у нас получилось, а ты переживал, – девушка гладила его по спине, почесывала грудку, а Рас щипал себя за бедро, не зная, снится ему это или кажется. Затем Ивейна подошла к двум большим птицам.

– Спасибо, мои храбрецы, – и тоже погладила обоих.

– А можно мне? – спросил принц Дастиан, уже поднявшийся с земли и отряхнувший одежду.

– Это вы у них спрашивайте, ваше высочество, – несмело улыбнулась принцу Ивейна уголками губ и отошла в сторону. Дастиан подошел ближе к птицам и смиренно склонил голову:

– Вы позволите, сеноры?

Те оставались недвижимы. Дастиан протянул руку и осторожно коснулся белого крыла.

– Это Лерр, – сказала из-за его спины Ивейна, – рядом Арчи, а там, – она оглянулась, – Севи.

– Поразительно! – шептал принц, водя пальцами по шелковистым перьям. – Ручные горные орланы, еще и белые! Скажи кому, не поверят...

Рассел тоже подошел к птицам. Неожиданно Севи взмахнул крыльями и сел Дастиану на плечо. Тот сначала отпрянул от неожиданности, а затем удивленно погладил орлана. Рас не мог объяснить чувства, которые вызывали у него эти необычные пернатые существа, но одно знал точно – он не смел к ним прикасаться, просто не смел и все.

Сзади подошел Эйнар и, хоть и пытался казаться беспечным, в его голосе явно сквозили ревностные нотки:

– Арчи, старый приятель, здравствуй. Как ты? Я смотрю, ты вымахал за то время, как мы не виделись, и скоро будешь размером с морава.

Он и себе протянул руку, но внезапно оба орлана расправили крылья, не спеша взлетели и направились в сторону дома Верон. Эйнар так и остался стоять с вытянутой рукой. Он досадливо свел брови, затем почему-то обернулся на Ивейну. Севи слетел с плеча Дастиана, взмыл вверх и закружил над Эйнаром, кося правым глазом, будто прицеливаясь.

– Севи, не вздумай, – с угрозой в голосе негромко проговорила Ив. Орлан качнул крылом, сделал еще один круг и устремился за собратьями, на прощанье бросив на наследника Героны взгляд, в котором, как готов был побиться об заклад Рас Северин, сквозило глубокое сожаление о неиспользованных возможностях.

– Что это с ним? – недовольно спросил Эйнар. – Шарахнулся от меня, как от бешеного турона.

– Они давно вас не видели, ваше высококородие, – ответила Ивейна, глядя вслед улетевшим птицам.

– Ну и тьма с ними, – буркнул тот, – невелика беда, – и снова страдальчески скривился. – Ты нарочно изводишь меня, Ив? Ну хотя бы принцем Эйнаром ты можешь меня называть?

Вдали виднелся большой, добротнo отделанный дом. Одиннадцать лет назад амир Эррегор приказал построить семье Верон новый дом, раз уж они отказались переехать в Сиридан. Но Вероны так туда и не перебрались, остались жить в старом, а в новом Тона Верон размещала своих постояльцев, что стекались с самых дальних уголков Андалурсии, прослышав о чудесной геронской травнице.

Тона встретила гостей во дворе и провела в дом, тот самый, для постояльцев, чтобы юноши освежились и отдохнули с дороги. Принцы с удовольствием освежились, но отдыхать не пожелали. Рассел же с благодарностью воспользовался предложением Тоны ознакомиться с ее новыми наблюдениями, как смесь тысячелистника, красного зубчатого хмеля и корня лунного камня облегчает состояние при мокрице.

– Иви, а можно я покажу Дастиану нашу комнату? – спросил Эйнар и предусмотрительно пригнулся прежде, чем войти в дверной проем старого дома. Здесь, как и в детстве, пахло травами и свежее испеченными блинчиками.

Дастиан заметил, как зарделась девушка при слове «наша», Эйнар же на это не обратил никакого внимания. Они поднялись по лестнице в мансарду, Ивейна осталась стоять на ступенях, потому что молодые драконы заполнили собой все пространство, и теперь здесь было не развернуться.

– Я спал там, – Эйнар указал на кровать под окном, – а Иви поставили кровать в углу.

– Здесь же совсем нет места, – удивленно молвил Дастиан, с интересом рассматривая угол, на который показывал друг.

– Ты не видел тогда Иви, – засмеялся Эйнар, – нынешнему мне она пятилетняя была бы по колено.

Она и сейчас свободно проходила под рукой у каждого из них. Эйнар вдруг спохватился, сунул руку в карман и достал продолговатый футляр.

– Вот, я совсем забыл, – он протянул футляр Ивейне, – с днем рождения, Ивейна.

Девушка очень ровно поблагодарила друга детства, затем протиснулась между ним и комодом, выдвинула один из ящиков и положила туда футляр.

- Тебе даже не интересно, что там? – спросил слегка уязвленный Эйнар.

- Я и так знаю, ваше высокородие, – бесцветным голосом ответила Ивейна, – вы подарили мне подвеску на цепочке, вы дарите мне их каждый год, это уже шестая. Не сомневайтесь, ваше высокородие, они прелестны.

Эйнар внимательно взглянул на нее, выдвинул тот самый ящик, достал оттуда шесть одинаковых футляров и разложил на комод. Внутри каждого в самом деле были одинаковые подвески.

- Тьма за ногу этого Домбара, – с досадой проговорил принц и повернулся к девушке, – прости, я не знал. А что с яхтой, она так и стоит на заднем дворе?

- Я разобрала ее на дрова, ваше высокородие. Вы в последний ваш приезд сказали, что я сущее дитя и слишком цепляюсь за свои детские иллюзии, – у нее даже интонации получилось передать.

- Так тебе же было одиннадцать лет, ты и так была ребенком, – удивился Эйнар и тут же потупил взор.

Дастиан старательно избегал встречаться с ним взглядом. Он рассматривал скромное убранство комнаты и вдруг заметил над кроватью Ивейны плетеный браслет, самый обычный, из лент и полосок кожи, но он почему-то был убран под стекло и висел на стене. Эйнар тоже его увидел, подошел и снял со стены, чтобы рассмотреть поближе.

- Так это же я делал! – воскликнул он радостно, обращившись к девушке. Та кивнула и слабо улыбнулась.

- Вы были так добры, что подарили его мне на мои семь лет.

- И ты до сих пор хранишь это? – принц явно был польщен. Дастиан хорошо знал друга и поэтому рассматривал Ивейну с искренним сочувствием.

Если бы ей навязать на лицо повязку, чтобы скрыть нижнюю часть, ее вполне можно было принять за красавицу. Черные блестящие глаза, стрелчатые темные ресницы, густые волосы. Но слишком тонкие черты на треугольном личике все портили.

– Ладно, Иви, я прилетел не за тем, чтобы предаваться воспоминаниям. Я приглашаю тебя во дворец пройти обряд сияния, чтобы определить, можешь ли ты быть моей избранницей, – повернулся к девушке Эйнар. Дастиан изумленно наблюдал, как алеют бледные щеки, как приоткрывается маленький рот, как вспыхивают и начинают блестеть большие глаза, она вся словно засветилась изнутри.

– Правда, Эйнар? – зашептала Ивейна восторженно. – Ты правда хочешь, чтобы я стала одной из избранных?

– Ну я же здесь, – нашелся принц. Ивейна радостно вскрикнула и бросилась ему на шею. Дастиан укоризненно посмотрел на друга и покачал головой. Тот, стоя с болтающейся на шее Ивейной, лишь беспомощно развел руками, а затем принялся успокаивающе похлопывать ее по спине, как испуганного моравы. – Вот видишь, так и называй меня дальше Эйнаром, а то от твоего «ваше высокородие» меня скоро стошнит.

* * *

Эйнар приехал, чтобы забрать ее! Ивейна готова была взлететь к небесам даже без Арчи с Лерром, так она была счастлива. Пресветлая Матерь, какой же сегодня чудесный день! Матушка не разделяла ее радостного настроения, но это все из-за отца, она никак не может смириться с его смертью. Ивейна тоже скорбит об отце, но сегодня такой счастливый день, что скорбеть у нее никак не выходит.

Тона испекла блинчики и нагрузила Ивейну подносом, чтобы та отнесла их в гостевые покои, девушка сайраном запрыгала по ступенькам, мать только головой вслед покачала.

– А, Ив, входи, – обрадовался блинчикам Эйнар, – Дастиан, бери пока я все не приговорил, уверяю тебя, ты в жизни не ел ничего вкуснее! Иви, подойди ближе,

мне нужен твой совет. Посмотри, это мои невесты, Амарилия и Тальяна. Как думаешь, кого же мне все-таки выбрать?

Эйнар лежал, развалившись на широкой мягкой софе, перед ним стояли две магические рамки с портретами прекрасных юных девушек. Кровь разом отхлынула от щек Ивейны, она едва расслышала, что там говорит принц.

– Ив, ты что, оглохла? – он возмущенно тряс ее за руку. Сириданский наследник смотрел на Иви странным сочувствующим взглядом, будто на той вдруг проступила какая-то хворь. – Я спрашиваю, какая из девиц тебе больше нравится?

– У вас есть невесты, ваше высокородие? – еле выдавила из себя Ивейна.

Эйнар воззрился на нее, как на диковинную зверушку.

– Конечно, Ив! Почему тебя это удивляет? Через два года я должен жениться, отец уже сейчас начал присматривать мне невест. Амарилия и Тальяна подходят мне больше всего, они прошли обряд сияния, и у них у обеих примерно одинаково проявилась иллама. Вот я и ломаю голову, на которой из них остановиться.

– Что ж вы, ваше высокородие, словно не жену, а морава себе выбираете, – негромко проговорила Ивейна, глядя куда-то в сторону.

– Снова я высокородие, – возмутился Эйнар, – да что с тобой, в самом деле? И нечего мне читать морали, Иви. Я наследный принц Героны, и не могу жениться на ком попало. Если бы Элисса Болигард сейчас была жива, мне бы не пришлось вообще никого выбирать, наш брак был бы делом времени, и Дастиан стал мне родственником. А так приходится ломать голову.

– И вы никого из них не любите? – в голосе Ивейны мелькнула надежда.

– А зачем мне это? – искренне удивился Эйнар. – В нашем браке все заранее определено. Моя задача как можно быстрее заделать супруге наследника, а ее – этого наследника родить. И все, дальше каждый живет в свое удовольствие. Осталось только определить, кто из них, Амарилия или Тальяна.

– За два года все еще может измениться, – Ивейна говорила, а у самой уши и щеки залились красным.

– Ты права, – подумав, согласился с ней Эйнар, – может подвернется кто-то еще более подходящий.

– Я... Я сочувствую тебе, Эйнар, – твердо проговорила Ив, забрала поднос и, поклонившись принцам, вышла из комнаты. Но она не пошла к выходу, а подбежала к небольшой двери. За ней была комната, где хранилось белье, она одной стеной соприкасалась с гостевыми покоем.

Ивейна сгорала от стыда, думая, что сказал бы отец, если бы увидел ее, подслушивающую разговор двух наследных принцев. Да ничего не сказал бы, сразу бы умер. Она помнила, что здесь плохо держится один из кирпичей, быстро нашла его и достала из ниши. Голоса сразу зазвучали четче.

– Я был против, я уже говорил тебе Дастиан! – звучал голос Эйнара. – Но что я мог сделать, если отец насел на меня. Это всего лишь обряд, я Ивейну никогда не назову невестой, я даже избранной ее называть не собираюсь.

– Зачем ты тогда морочил ей голову, Эйнар? – кажется, его высочество не на шутку разозлился. – Она приняла все за чистую монету, разве ты не видел, как светились ее глаза?

– Что за глупости, друг мой, это же Ив! – в голосе Эйнара сквозила уверенность. – Неужто ты не видишь, как она некрасива? Да она сама знает, что ее никто никогда в невесты не выберет! Почему же тогда сайраном должен остаться я?

Ивейна поднялась на трясущихся ногах, медленно поставила кирпич на место и, держась обеими руками за лестницу, начала спускаться вниз.

Скрипнула половица, Ивейна скоренько вытерла глаза и затаилась. Пусть матушка думает, что она спит, а то стоит ей увидеть красные, как зубчатый хмель, глаза дочери, тут же обо всем догадается. Глазастая у нее матушка и догадливая.

Тона подошла к лежащей на кровати Ив, села на край и положила ей на плечо теплую руку.

- Тебя позвали на обряд в королевский дворец, Иви?

- Я не поеду, матушка, - прошептала Ивейна, тут же позабыв, что собиралась притвориться спящей.

- Ты не можешь отказать наследнику, дочка, - начала было Тона, но тут же осеклась, увидев горящий взгляд Ивейны, вскочившей с постели.

- Он не звал меня, матушка! Его король заставил! Он сказал, что не собирается меня даже избранной называть, зачем мне тогда проходить обряд там, в Леарне?

Тона с тревогой вглядывалась в заплаканное лицо дочери.

- Но почему ты так думаешь, доченька?

- Он так сказал, - Ивейна сжала кулачки и закрыла глаза, - потому что я некрасивая. Я сама слышала... Подслушала... - и в слезах бросилась ей на грудь.

- Бедная, бедная моя девочка, - прошептала Тона, - да ты никак влюбилась в нашего Эйнара?

Утробный стон, сопровождающийся захлебывающимся плачем, подтвердил ее слова. Тона растерянно гладила рыдающую Ивейну, и сердце ее сжималось от жалости к своей маленькой девочке. Она еще немного поборолась с собой, а затем оторвала от себя дочь, встала решительно, одернула юбку и повернулась к Ив.

- Пойдем со мной, девонька, я должна тебе кое-что показать.

Это вышло так неожиданно, что Ивейна перестала рыдать и, лишь всхлипывая время от времени, послушно последовала за матерью. Они спустились с мансарды вниз, прошли через комнату и оказались перед небольшой дверью, которая вела в чулан.

– Иви, – Тона вдруг разволновалась, ее глаза подернула поволока, – я хочу, чтобы ты знала, ты всегда останешься моей любимой маленькой девочкой.

– Что вы такое говорите, матушка, – испугалась Ивейна и схватила ее за руку, – конечно, я и не собиралась вас оставлять.

Но Тона будто не слышала ее, открыла дверь, пропустила Ивейну внутрь и направилась в самый дальний угол. Там она долго рылась, перекидывала ненужный хлам и, наконец, поставила перед Ивейной небольшую корзину с привязанными к ней лентами. В корзине лежала сложенная сорочка и обычный серый камень, небольшой, размером с крупную ягоду еленики, нанизанный на обычную серую веревку.

– А теперь слушай меня, Иви, слушай и не перебивай, – Тона вздохнула и погладила рукой сорочку в корзине, – не дочка ты нам с Абидалом. Рано тебе я правду открываю, Аб был бы недоволен, да нет сил больше смотреть, как мое дитя мучается.

...Матушка давно перестала говорить, а Ивейна сидела, как оглушенная. Она бы скорее уверилась в том, что Тона все это придумала, чтобы ее утешить, но матушка сидела очень прямо, выпрямив спину, и смотрела на Ивейну с таким тревожным ожиданием, что у нее зашло в груди.

– Но как же, – прошептала она наконец, когда голос стал хоть немного ее слушаться, – как же так?. Я ведь так похожа на отца...

Тона достала из корзины камень и протянула Ивейне.

– Это амулет, заговоренный на морок. Когда я сняла его с тебя, амулет уснул, а морок остался. Ты не такая, какой мы все тебя видим, Иви, я не знаю, какая бы ты была, но у той девочки, которую принес Аб, были светлые волосики и синие-синие глаза. Точь-в-точь как небо весной.

– Разве так бывает? – неверяще шептала Ив, сжимая в руке камень. Она подняла голову и посмотрела на Тону. – А где одежда, в которую я была одета? Может, там есть какие-то вензели или шитье? По ним можно было бы понять, с какой стороны принесла корзину река.

– Ты была завернута в эту сорочку, мужскую сорочку, Ивейна, – Тона достала сорочку и расстелила на коленях, – она могла принадлежать кому угодно, здесь нет никакого шитья.

– Матушка, я поняла, – Ив подняла на мать сияющие глаза, – вы все это придумали! Чтобы я считала себя заколдованной красавицей, ведь правда же?

Но Тона не смотрела на нее.

– Орланы... Аб не находил их возле речки, Иви, они прилетели с тобой. Они охраняли тебя, баюкали и носили тебе в клюве рассветную росу. А я всю голову сломала, почему ты так мало ешь, пока не подглядела. Они не простые птицы, девонька...

– Значит, меня нарочно хотели спрятать?

Тона покачала головой и сложила сорочку в корзину.

– Ты сама себя спрятала, Ивейна, – она взяла камень из рук девушки, – этот амулет заговорен на илламе. Когда мы с тебя его сняли, ты приняла облик первого человека, которого увидела – Абидала. Если бы тебя подобрал кто-то другой, ты вобрала бы в себя его лицо. Тебе просто не повезло, что мой муж был не очень красивым, деточка. Теперь амулет спит, а как его разбудить, не известно.

– Откуда вы это все знаете? – Ивейна зачарованно смотрела на серый дорожный камень.

– Я носила его к Эзаре...

– К Эзаре? – в ужасе воскликнула Иви. – Как вы могли пойти к этой ведьме? Она же берет плату жизнью!

– Она была щедра, взяла всего десять лет, по-соседски, – качнула головой Тона, – мы сложились с Абидалом, пять моих, пять его. Эзара и рассказала мне, как вышло, что ты одно лицо с моим мужем. Но на остальное ее силы не хватило. Я должна была молчать до твоего совершеннолетия, но сейчас, когда я узнала, что ты будешь проходить обряд в Леарне в королевском дворце, решилась.

Ивейна молча смотрела на женщину, которая, не колеблясь, отдала пять лет своей жизни, чтобы узнать о ней правду, и ее маленькое сердечко ныло от жалости и благодарности к эти двум приютившим ее людям.

– Все дело в твоей илламе, девочка, – Тона продолжала говорить, поглаживая камень, – ты же знаешь, мне не дано ее чувствовать, я не девин, но зато я могу ее видеть. Иногда я вижу искорки, иногда она мне видится просто светлыми пятнами. Твоя же иллама – это как очаг внутри тебя, Ив. Я такого еще не встречала. Твоя иллама сильна, думаешь, я не замечала, скольких людей она исцелила? Там, где травы оказывались бессильны, ты ставила на ноги самых безнадежных больных.

– Это неправда, – Ивейна еле сдерживала слезы, – такого не может быть. Я ничего не делала специально, матушка, я просто очень хотела им всем помочь.

– Тебе нужно научиться нею управлять, Иви, и здесь тебе очень пригодился бы наш гость мэтр Северин. Но я должна предупредить тебя, дитя, тебе следует быть с ним осторожной.

– Но он так мил ко мне, – попыталась возразить Ивейна, но Тона крепко схватила ее за руку и зашептала: – Слушай меня, Иви. Я не знаю, как это может быть, однако ваша иллама очень похожа. Я слышала, что мэтр прибился к девину Ингару совсем без памяти, вас с ним что-то связывает, но что, даже он сам тебе не скажет.

– Мы с ним родственники? – шепотом спросила Ивейна.

– Не знаю, дитя, не знаю...

– Вы перестали называть меня дочкой, матушка, – тихо сказала Ивейна, – разве я чем-то провинилась?

– Я не знаю, как ты теперь захочешь, чтобы я называла тебя, Ив, – начала было Тона, но Ивейна бросилась ей на шею, и женщина, не имея сил сдерживаться, разрыдалась, притянув ее к себе.

– Я не знаю другой матушки кроме вас, и найдутся или нет мои настоящие родители, вы всегда будете первыми.

Когда Ивейна улеглась в свою постель в мансарде, Тона сидела рядом и гладила ее темные волосы, разметавшиеся по подушке.

– Пресветлая Матерь ведет тебя в Леарну, доченька, значит, твое время пришло. Посмотри на нас, мы с Абидалом простые люди, а с тех пор, как ты у нас появилась, наши гости все короли, знатные господа и даже сам его величество. Сердце говорит мне, что твое место там, среди них, а не среди простых селян.

– Матушка, ну его величество амир Эррегор бывает у нас уж никак не из-за меня, – хитро взглянула на нее Ивейна. Тона чуть слышно вздохнула.

– Амир Эррегор красивый мужчина и очень благородный, и зачем только он связал себя с этой черной женщиной Алентайной, знает один Небесный Бог. Но она его амира, и я не должна так о ней говорить.

– Мне тоже не по душе амира Алентайна, матушка, – Иви взяла Тону за руку, – мало того, у меня такое чувство, что сам амир ее терпеть не может! А на вас он всегда смотрит с такой тоской, что мне его прямо жаль становится, особенно когда вы с ним так холодны и сдержанны.

– Они соединены брачными узами, доченька, как и мы были с Абидалом. А что Небесный Бог сочтает, не людям то разлучать, – Тона снова вздохнула и чуть тише добавила, – а уж как бы мне хотелось по-другому, доченька, пусть простит меня мой покойный муж, Пресветлая Матерь знает, что пока он был жив, я и в мыслях себе ничего не позволила.

– Я не могу судить, матушка, – решила Ивейна, – но мне давно кажется, что наш амир любит вас всем сердцем. Так почему ему не прогнать эту ужасную женщину, которая не любит его и не связать свою жизнь с вами?

– Да кто ж я такая, деточка, – горько проговорила Тона, вновь поглаживая Ивейну по голове, – он такой большой дракон, ему нужна иллама, а во мне и искорки не наберется. Хоть и в амире ее почти не видно за ее темной душой, но я ему не пара. А ты спи, спи малышка моя ненаглядная, завтра в дорогу, нужно набраться сил.

Она потушила лампу, поцеловала дочь и вышла из комнаты.

* * *

Эйнар Астурийский исподлобья наблюдал за происходящим, и нравилось оно ему все меньше и меньше. Во-первых, Ив. С самого утра, как ее увидел, он ломал голову, что могло приключиться за одну единственную ночь. В детстве он так привык видеть перед собой упрямую, вредную и в то же время забавную девчонку, что в последние свои приезды общаться с ней не мог совершенно. То ли он вырос, то ли Иви не доросла, но она без конца стеснялась и прятала глаза, и это совсем не походило на его неутомимую и непоседливую подругу детства.

Да и вчера она только то и делала, что пламенела и смущалась, избегала смотреть ему в глаза и без конца величала «его высокородием», что изрядно раздражало Эйнара. Подумаешь, увидела голозадых принцев, неужто в этой дыре не нашлось желающих просветить шестнадцатилетнюю девицу? Хотя с ее внешностью могло случиться и так.

Вот, например, ни Амарилия, ни Тальяна, он готов был об заклад биться, даже бровью бы не повели. Так, хмыкнули бы порядка ради, чего уж стесняться после тех игрищ, какие Эйнар и его гости устроили, помнится, на его недавнее двадцатилетие, когда удалось спить всех воспитателей-надзирателей, да благословит Небесный Бог его сиятельство графа Домбара!

Больше всего Эйнара позабавила игра в фанты, уж такие желания благовоспитанные девицы молодым людям загадывали, только держись. Иви там от стыда, наверное, сгорела бы дотла. Самым невинным заданием было передать от юноши девушке глоток игристого сириданского без кубка и без рук.

А когда им с Дастианом загадали нагишом моравов изображать? Эйнар до сих пор помнит блестящие глаза и закушенные губки своих избранных. Зато они с

парнями расквитались с баловницами на славу, когда устроили игру в кости на раздевание. И при этом все девы как одна чисты и непорочны, ни один девин не подкопается, даже такой ушлый как Рас.

Лишь когда Эйнар пригласил Ивейну на обряд сияния в Леарну, она ожила ненадолго, но ровно до тех пор, пока не увидела портреты невест. И ведь он не просто так показал их. Пусть сейчас он и не смеет послушаться отца, и вынужден пригласить Иви на обряд, но выбрать его потом точно никто не заставит. Так что честно будет, если у неё сразу не останется никаких надежд.

А сегодня Эйнар смотрел и глазам своим не верил. Куда делось все смущение? Утром Ивейна принесла им завтрак и лишь только вошла, он сам не знает почему подтянулся, пригладил волосы и сел ровнее. Дастиан тот вообще сидел, словно палку проглотил. Она держала себя с таким достоинством, с такой уверенностью, что Эйнар лишь диву давался. Это что ж с ней такое случилось?

И какое же его истинное отношение к Ив? Принц задумался и приспустил поводья. Что ему за мысли вообще лезут в голову? Это Дастиан с Расом всему виной, бросили его одного, а сами облепили карету, в которой ехали Иви с матушкой.

Вон Дастиан разве что в окно кареты не влез, а Ив тоже хороша, высунулась из окошка и щебечет. И Рас рядом поддакивает. Он бы тоже послушал, так там уже не втиснешься, а, с другой стороны, лететь, много радости с сенорой Верон разговаривать. Нет, она чудная женщина, да вот Эйнару больше хочется знать, каким там медом Дастиану намазано.

Геронский наследник, конечно, не собирался называть Ивейну своей невестой, Амарилия с Тальяной на эту роль подходили идеально, поскольку свои отношения с будущей женой Эйнар рассматривал исключительно через спальню. А за какой тьмой ему ещё нужна жена? Обе девушки ладненькие, и ни с одной из них в супружеской постели никаких проблем у Эйнара не возникнет, в остальном же, извольте, каждый сам по себе.

А вот с Ив возникли бы. Эйнар не мог разглядеть ее фигурку под мешковатым селянским платьем, но по-всему она довольно щупленька и угловата. И уж тем более с Ивейной ограничить отношения стенами спальни не вышло бы никак, с ней это просто невозможно.

Амарилия и Тальяна обе жеманные и глуповатые, Эйнара хватало на общение с каждой из них не более, чем на час, там он уже начинал скучать, поглядывать в окно или на дверь, мечтая сбежать. Не будешь же с женой играть в фанты или в кости на раздевание, в самом-то деле! Ив совсем другая, с ней уж точно не получится, чтобы каждый «сам по себе».

Судя по тому, что Дастиан уже с полчаса, разинув рот, с явным удовольствием слушает рассказ Ивейны, ему и правда интересно. Эйнару с Иви тоже всегда было интересно, пока она не стала лишь краснеть и теревить подол в его присутствии.

К концу пути наследного принца Героны уже порядком раздражал непонятный интерес друга к своей... избранной?

Эйнар Астурийский совсем запутался. Хвала Небесному Богу, внизу уже вырисовывались очертания столицы Героны – залитой солнцем и утопающей в зелени и цветущих кустарниках Леарны.

Глава 7

Ивейна в жизни так не боялась. Да она и народу столько в своей жизни не видела, причем все с нее глаз не сводят, а главное, Эйнар, чтоб ему провалиться. Ивейна чувствовала себя голышом в этом туго затянутом корсете, она привыкла к своим удобным мешковатым платьям, хотя то, что сейчас было надето на ней – подарок королевы Эллирии – выглядело просто божественно.

Жемчужного цвета, отделанное тончайшими гицианскими кружевами, платье смело могло сойти за подвенечное, по крайней мере, так казалось самой Ив. Ее тщательно уложенные волосы были закреплены шпильками, и Ивейна опасалась лишней раз шевельнуться, чтобы шпильки не выпали, и прическа не рассыпалась.

Их светлости оба, конечно, смотрят на нее так ласково, будто она все та же маленькая смешная Иви, но их светлости всегда были добры к ней, особенно король Сагидар, может, потому что у них с королевой Эллирией одни сыновья?

Два царственных брата геронского наследника тоже здесь. Десятилетний Илтас и четырехлетний Тамилан похожи между собой, белокурые и сероглазые, оба в ее светлость пошли. А Эйнар не такой. Он особенный. Такой красивый сейчас сидит по правую руку от отца, восседающего на троне, что у нее дух захватывает. А каким невзрачным и щуплым мальчишкой был, и как с эдаких невзрачных такие красавцы вырастают, кто бы ее научил? Что ж у нее все не как у людей?..

«Ты красавица. Ты заколдованная красавица, так матушка сказала!» – одернула себя Ивейна и еще больше приуныла. Она даже прикоснулась к амулету, который Тона заставила ее повесить себе на шею, а вдруг иллама, которую девин сегодня распалит в ней, заставит и амулет пробудиться?

Но сомнения грызли душу Ив не меньше, чем тоска по принцу, что как раз слушал отца и склонил к нему голову, отчего темные пряди нависали на его лицо, и он отбрасывал их со лба с детства знакомым движением руки. От этого жеста у нее тут же заболело под сердцем.

Поначалу Иви поверила матушке – вечер, темень за окном, тусклый огонек лампы рисовали ей картины одна за другой: темная река, звезды, корзина на воде и... вороны. Почему-то ей все время представлялись вороны, а не ее Арчи, Лерр и Севи. Видать, совсем разыгралось воображение. Даже девочку светловолосую с синими глазами она себе представила. И назавтра целый день чувствовала себя королевой. Пока не прибыла во дворец.

Такого количества красивых женщин Ив себе и представить не могла, потому и совсем упала духом. Никогда не стать ей такой же прекрасной, как они – статные, с роскошными гривами волос, лучистыми дивными глазами. А как они умеют смотреть, надменно, и в то же время с поволокой, словно маня и отвергая одновременно.

И как здесь мужчины вообще ногами ходят, да они должны ползать перед ними на коленях, перед всеми этими восхитительными леди! Была бы Ив мужчиной, точно бы не устояла на ногах. А двоих из них она узнала, и словно ножом внутри полоснуло – те две девушки с портретов, невесты Эйнара...

Нет. Не Эйнара. Наследного принца Геронской короны и ленника Андалурского трона его высокородия Эйнара Астурийского. Вот кто он теперь для Ив.

И откуда, интересно, в Леарне взялся такой криворукий портретист, как ему могли доверить портреты избранных принца? Гнать его надо в три шеи со двора его светлости, как можно было так испоганить образы этих чудных воздушных созданий? В жизни девушки были во сто крат прелестнее, не умеешь запечатлеть – не берись.

Молоденькие сенарины находились каждая в окружении своего рода, и у Ив снова сжалось сердце при виде матушки Тоны, что сейчас одиноко стояла в сторонке, ей наверняка было так же не по себе в этом роскошном и огромном тронном зале.

И снова душу Ивейны начали грызть сомнения, тут же вспомнилось, как в детстве услышала она от двух противных соседских сенор, что матушка ее ни разу не рожавшая, а сама Ив – незаконнорожденная дочь Абидала Верона.

Как раз в то время исчезла из селения дочь сенора Штивца, Гела, вот она мол и родила Абидалу дочку, ее саму увезли прочь, чтобы скрыть грех, а Верон упал жене в ноги, и та приняла девочку. Потому что никто в селении и близко не видел Тону тяжелой, а уж как она сказки сочинять может, так все здесь об этом знают.

Соседки громко смаковали подробности, стоя у колодца, Иви тогда подговорила своих орланов, и они знатно обгадили мерзких бабищ. Те вопили и швырялись в птиц камнями, но само собой, не попали, а маленькая Ивейна, мстительно сжав кулачки, праздновала победу, ни на минуту не усомнившись в своих родителях.

Теперь же воспоминания нахлынули с новой силой, и ее происхождение виделось ей совсем не так, как описывала матушка. А что если это правда, и отец обманул жену? Приволок незаконнорожденного ребенка в корзине, а сам сказал, что девочку принесло рекой?

А что до морока, так на недолгое время любой, даже самый захудалый магистр может сотворить его прямо из воздуха. Ну подумаешь, вырвется капелюшечка тьмы, так сколько там ее будет, и жмени не наберется с такой ерунды.

Матушка и поверила, она ведь такая добрая и красивая, если бы ее одеть в нарядное платье да волосы ее, убранные под обруч с платом, распустить, так может и не хуже она была бы здешних красавиц. И даже лучше, глаза у нее не

такие льдистые, как у них, и улыбается матушка Тона так, что тепло-тепло делается...

Ивейна чуть слезу не уронила от жалости к Тоне и в который раз за этот вечер прикоснулась к амулету. Если все так, как она надумала, то это просто обычный камень, какой и выбросить в первую попавшуюся канаву не жалко. И тут ей вспомнилась ведунья Эзара, седая, косматая, маленькая Иви боялась ее до икоты.

Тона ходила к ней, что ж, выходит ей ведунья тоже солгала? Она ведь жизнь должна была взять в обмен на магию, значит, отец Эзару тоже подговорил? В это и вовсе верилось с трудом. С Эзарой невозможно было ни договориться, ни упросить ее, ни на коленях умолить. Ей можно было только заплатить. Жизнью. Минутами, днями или годами, другой платы Эзара не признавала.

Неизвестно до чего додумалась бы Ивейна, но тут в центр зала вышли главный девин Аласар и главный магистр Зора, поклонились их светлостям и начали церемонию.

Сегодня девушек было двадцать три, их отобрали со всей Героны и пригласили пройти обряд сияния в королевском дворце в Леарне. Всем девушкам весной исполнилось шестнадцать, и все они удостоились этой особой милости.

Первой объявили леди Лестрейю Гассон. Ивейна увидела, как по широкой дорожке, усыпанной белыми цветами шатрана, к девину подошла девушка и присела в низком поклоне сначала перед их светлостями, затем перед уважаемыми мэтрами. Иви уже поднадоело восторгаться всеми этими прелестными сенаринами, она просто отметила для себя, что девушка ко всему прочему еще и достаточно мила.

Девин Аласар и Лестрейя встали друг напротив друга, девин вытянул руки ладонями вперед, и девушка с трепетом приложила к его ладоням свои. Магистр перевязал им руки красными лентами и отошел в сторону. Он шептал заклинания, Лестрейя от волнения закрыла глаза, и тут мэтр Аласар вытянулся струной, его руки засветились, как будто изнутри, до самых плеч неярким мягким светом, а затем свет накрыл и плечи, и словно шар свернулся у девина в груди.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/tocka_tala/my-drakony

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)